

В этом году исполняется 20 лет со дня гибели Советского Союза. За последнее время это трагическое событие стало объектом интенсивной и небескорыстной мифологизации. Лидеры “новой” России утверждают, будто Союз развалился сам от груза проблем, которые не решала – и не могла решить – социалистическая система. Эту версию охотно подхватила почти вся пресса, весь либеральный бомонд.

Осуществляются и более тонкие манипуляции. Идеологи и певцы “империи”, отдавая должное СССР, возлагают ответственность за его гибель на... русских националистов, которые, якобы, захотели жить в обособленном государстве. В этой связи обычно вспоминают о крупнейшем русском писателе Валентине Распутине, будто бы призвавшем к выходу России из СССР. Я уже разоблачал эту провокационную версию (“Наш современник” № 1, 2011) и не считаю нужным вновь опровергать заведомую ложь.

Чтобы напомнить о том, кто и как осуществлял подрыв нашей общей державы, редакция подготовила серию материалов. Сегодня мы публикуем первый из них – расследование вильнюсских событий, связанных с так называемым штурмом телебашни, повлекшим человеческие жертвы. Автор – Владислав ШВЕД хорошо знаком нашим читателям. В 1990–91 годах он был депутатом литовского сейма и вторым секретарём компартии Литвы. Так что сведения, публикуемые в номере, получены, что называется, из первых рук.

Александр Казинцев

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

ЛИТОВСКИЙ ЛАБИРИНТ

*Затевая спор настоящего с прошлым,
мы обнаружим, что потеряли будущее.*

Уинстон Черчилль

Известно, что Литва своим выходом из Союза ССР прежде всего обязана России. Но упования российских “демократов” на благодарность литовских коллег оказались тщетными.

После обретения независимости литовские политики активно включились в процесс дискредитации СССР, сутью которого явилось возложение на Советский Союз, наряду с нацистской Германией, ответственности за развязывание Второй мировой войны. Литовской делегации в июле 2009 г. удалось навязать Парламентской ассамблее ОБСЕ, проходившей в Вильнюсе, приня-

тие резолюции “Воссоединение разделенной Европы: защита прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке”, фактически приравнявшей коммунизм к нацизму.

При этом литовские политики пытаются поставить под сомнение не только итоги Второй мировой войны, но и весь послевоенный период советского участия в развитии европейского и мирового сообщества. В случае успеха их замысла, Россия как правопреемница СССР из разряда держав-победительниц превращается в страну, отягощенную прошлыми грехами. Этот аспект весьма важен для Литвы в плане предъявления России требований о материальной компенсации за полвека “советской оккупации и агрессии”.

Эффективным инструментом давления на Россию в Литве сделали историю. Сегодня в ходу в самые немыслимые трактовки исторических событий XX века. При этом литовские “правоведы” весьма своеобразно трактуют такие правовые определения, как “оккупация”, “аннексия”, “агрессия”, “военные преступления”. Принятые мировым сообществом трактовки этих понятий они предпочитают игнорировать.

Не вызывает сомнений, что литовские ниспровергатели исторических истин заблудились в лабиринте истории литовско-российских отношений и движутся в направлении, на котором Литву могут ждать весьма неприятные неожиданности.

В этих целях автор при анализе ряда спорных исторических ситуаций позволил себе применить “литовскую методологию”, с помощью которой историю в Литве превращают в политический инструмент. Подобный прием наглядно показывает, как опасно, сидя в стеклянном доме, бросаться камнями.

Советская “агрессия”

В последнее время литовское руководство пытается предъявить России как правопреемнице СССР ряд претензий за так называемые советские “преступления”. На первый план выдвигаются трагические события января 1991 г. в Вильнюсе. Они в Литве трактуются как повторная “советская агрессия и оккупация” суверенного литовского государства. 20-летие этих событий Литва отметила не только траурными мероприятиями, но и рядом других акций.

12 января 2011 г. литовский МИД направил МИДу России очередную претензию, официально оформленную в виде дипломатической ноты. В ней литовская сторона выразила протест по поводу памятника сотрудникам спецподразделений КГБ СССР, установленного в подмосковных Химках. якобы наличие на памятнике надписи о подразделении антитеррора “А” (Альфа), участвовавшего в штурме вильнюсской телебашни 13 января 1991 г., является оскорблением памяти погибших защитников телебашни. Следует иметь в виду, что в Литве группу “Альфа” считают главным виновником гибели людей ночью 13 января 1991 г.

Помимо этого в Литве набирает обороты “охота на ведьм”, связанная с январскими 1991 г. событиями. Генпрокуратура Литвы возбудила уголовное дело против председателя Социалистического народного Фронта Альгирдаса Палецкиса. Он обвиняется в отрицании “советской агрессии” против Литвы в январе 1991 г. и оскорблении памяти жертв этой “агрессии”.

Реанимировано 20-летнее расследование январских событий 1991 года. Летом 2010 г. литовские прокуроры переквалифицировали обвинение в попытке государственного переворота (январь 1991 г.) в обвинение о совершении военного преступления. Побудительным мотивом для этого явилось то, что в январе 2011 г. истек срок преследования подозреваемых по делу о государственном перевороте.

Теперь так называемые организаторы и участники январской силовой акции в Вильнюсе считаются военными преступниками, и срок их преследования литовским “правосудием” не ограничен. В этих целях образована новая группа литовских прокуроров из 5 человек, задачей которых является обеспечить привлечение к уголовной ответственности всех виновников январской трагедии, которые сейчас якобы “скрываются” в России и Белоруссии.

Однако не вызывает сомнения то, что правда о подлинных организаторах и виновниках январских событий со временем выяснится, и они получат по

заслугам. Вот об этих закулисных организаторах и пойдёт разговор в настоящем исследовании. Однако прежде всего следует разъяснить ситуацию, которая сложилась вокруг расследования январских событий в Литве.

В 1990-х годах в Литве состоялось несколько судебных процессов, результатом которых стало осуждение ряда так называемых виновников январских событий. Центральным явился трехгодичный процесс (октябрь 1996 – август 1999 гг.) по делу бывших руководителей Компартии Литвы/КПСС: первого секретаря ЦК КПЛ/КПСС Миколаса Бурокаявичюса, секретаря ЦК Юозаса Куолялиса, заведующего идеологическим отделом ЦК Юозаса Ермалавичюса и др. (так называемое “дело профессоров”).

Несмотря на то что уголовное дело составляло 455 томов, а в ходе следствия было допрошено более 3 тысяч свидетелей и осуществлено 1200 экспертиз, в ходе судебного разбирательства по “делу профессоров” не был установлен ни один конкретный виновник гибели конкретной январской жертвы у вильнюсской телебашни. Окружной суд г. Вильнюса предпочел констатировать, что виновниками этих преступлений являются коллективные убийцы: литовские коммунисты (КПСС), советские военнослужащие и спецгруппа “А” (Альфа) КГБ СССР. Соответственно, руководители ЦК КПЛ/КПСС были огульно приговорены к различным срокам тюремного заключения: от 6 до 12 лет на основании весьма сомнительных доказательств и свидетельств.

О степени “правовой обоснованности” обвинительного заключения по “делу профессоров”, подготовленного Генпрокуратурой Литвы, свидетельствует то, что основой для него явилась пропагандистская брошюра лидера “Саюдиса” и председателя Сейма Литвы Витаутаса Ландсбергиса с претенциозным названием “События 13-го и Литовское государство”. В ней бывший музыковед-марксист изложил невероятные домыслы об истоках и организаторах событий 13-го января, щедро приправив их личными претензиями. Тем не менее, литовские прокуроры и судьи безоговорочно приняли её к руководству.

Заметим, что Ландсбергис, горя желанием “по полной” рассчитаться с политическими противниками, направил в Окружной суд г. Вильнюса письмо с четкими инструкциями, как следует вести уголовный процесс и как наказывать обвиняемых. Это письмо было приобщено к материалам упомянутого уголовного дела профессоров и стало известно обвиняемым. В ноябре 1994 г. аналогичное письмо с указаниями о ведении следствия тогдашний глава Сейма Литвы направил и в Генеральную прокуратуру Литвы.

Указания Ландсбергиса сыграли существенную роль в деле осуждения литовских коммунистов. Иначе как объяснить, что одному из обвиняемых Ю. Куолялису бездоказательно было инкриминировано участие в “преступных деяниях” в периоды, когда он отсутствовал в Литве. Аналогичного плана были обвинения и в адрес других обвиняемых.

Отметим, что большинство подозреваемых в попытке государственного переворота в Литве в январе 1991 г. пока находятся вне юрисдикции литовского правосудия. Тем не менее, литовские прокуроры надеются рано или поздно посадить их на скамью подсудимых. С этой целью граждане России, преследуемые литовским правосудием, осенью 2011 г. получили от Генпрокуратуры Литвы “Уведомление о подозрении”, оформленное на 75 страницах.

Не вызывает сомнений, что в скором времени формулировки обвинений, предъявленных в “Уведомлении...”, будут изменены. Да и список подозреваемых в преступлениях против Литовской Республики, вероятнее всего, пополнится новыми фигурантами. По данным “Независимой газеты” (25.04.2000) в этом списке числился 51 человек. В нем фигурировали, помимо руководителей КПЛ/КПСС и рядовых литовских коммунистов, члены высшего политического и военного руководства СССР, командиры советских воинских частей, принимавших участие в вильнюсских событиях, и тогдашние руководители “Альфы”.

Судя по вышеупомянутому “Уведомлению...” Генпрокуратура Литвы основными подозреваемыми считает бывших руководителей Компартии Литвы/КПСС, в том числе бывшего 2-ого секретаря ЦК Владислава Шведа, а также бывшего министра обороны СССР Дмитрия Язова, бывшего министра Внутренних дел СССР Бориса Пуго (ныне покойный), бывшего Председателя КГБ СССР Владимира Крючкова (ныне покойный), бывшего секретаря ЦК КПСС Олега Шенина (ныне покойный), бывшего замминистра обороны

Владислава Ачалова (тоже недавно ушедшего из жизни), бывшего командующего Прибалтийским военным округом Федора Кузьмина, бывшего заместителя командующего ПриБВО Владимира Овчарова, бывшего заместителя председателя КГБ Литовской ССР Станислава Цаплина (ныне покойный), бывшего заместителя начальника группы “А” Михаила Головатова и бывшего командира 107-й мотострелковой дивизии, дислоцированной в Вильнюсе, Владимира Усхочника. Помимо них в “Уведомлении...” перечисляются десятки других подозреваемых, которые, по убеждению литовских прокуроров, участвовали в попытке государственного переворота и виновны в гибели людей 13 января 1991 года.

Однако Президент СССР Михаил Горбачев, давший команду на проведение январской акции, в этом списке отсутствует.

Всем подозреваемым грозит уголовное наказание, вплоть до пожизненного заключения. Выезд за пределы России им категорически противопоказан, так как они находятся в списке разыскиваемых Интерполом. Между тем достоверно известно, что “подозреваемые” в 1990–1991 гг. действовали в строгом соответствии с решениями третьего внеочередного Съезда народных депутатов СССР и Указами Президента СССР. Но этот аспект литовские прокуроры предпочитают игнорировать.

Новое развитие тема январских событий получила в феврале 2011 г. в связи с визитом в Москву министра иностранных дел Литовской Республики Аудруноса Ажубалиса. Этот литовский политик давно известен как ярый русофоб. Напомним, что, будучи заместителем председателя Комитета по международным делам Сейма, Ажубалис в ответ на “агрессию” России против Грузии предлагал ввести блокаду Калининградской области. Он также был категорически против безвизового режима с этой российской областью. Ажубалис выступал против строительства Россией по дну Балтийского моря газопровода “Северный поток”. Даже российские инвестиции в экономику Литвы он считает угрозой национальной безопасности.

Именно Ажубалис в 2007 г. стал автором новой претензии к России, суть которой в том, что СССР в январе 1991 г. совершил агрессию против независимой Литвы и повторно оккупировал её территорию. Ажубалис первым из литовских политиков аргументировал претензии к России за январские события ссылкой на Договор об основах межгосударственных отношений между Россией и Литвой, подписанный президентом Ельциным 29 июля 1991 г. Этим договором Российская Федерация признала независимость Литовской Республики с 11 марта 1990 года.

При этом литовские юристы и политики игнорируют тот факт, что в июле 1991 г. и Россия, и Литва не являлись полноправными субъектами международного права, и поэтому российско-литовский договор от 29 июля 1991 г. в правовом плане до его ратификации Верховным Советом РФ был ничтожным. Одностороннее провозглашение независимости, как известно, ещё не означает факта её признания международным сообществом. Достаточно напомнить в этой связи проблемы признания суверенности Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии. Этот спорный аспект хорошо осознавали российские политики в 1991 г. Не случайно Верховный Совет Российской Федерации ратифицировал вышеупомянутый российско-литовский договор только 17 января 1992 г., а в силу он вступил 4 мая 1992 г.

Тем не менее, по мнению Ажубалиса, наличие этого договора позволяет утверждать, что *“вооруженные силы СССР 11–13 января 1991 года совершили акт агрессии против независимого Литовского государства и его жителей”*. При представлении резолюции в Сейме в январе 2007 г. Ажубалис указывал на то, что вносимый им документ должен помочь начать (!) диалог с Россией. Якобы логика здесь проста. Если Россия не хочет начинать разговор о компенсации ущерба за весь период советской оккупации, то следует начать с более легкой для Кремля темы – с возмещения ущерба за события 13 января. А далее можно будет перейти и к требованию оплатить “весь ущерб”. Буквально Ажубалис тогда заявил: *“Это попытка начать переговоры с Россией, пока не начаты переговоры об оплате всего ущерба от оккупации”*.

В 2007 г. предложение Ажубалиса депутаты литовского Сейма не поддержали. Их позицию выразил тогдашний председатель Комитета по международным делам социал-демократ Юстинас Каросас. Он сказал, что новой пре-

тензией “мы унизим ту часть России, которая чистосердечно помогла нам на пути к свободе”. Однако в январе 2010 г. депутаты Сейма, избранного в 2008 г., поддержали предложение Ажубалиса и без поправок приняли резолюцию, которой обязали правительство Литвы официально обратиться к России, как к правопреемнице СССР, с требованием выплатить компенсации семьям погибших и получивших ранения во время январских событий 1991 года в Вильнюсе.

В этой связи в Литве пытаются создать правовое обоснование претензии по поводу советской “агрессии” в январе 1991 г. “Эксперт” в области международного права Дайнюс Жалимас подготовил серию статей “Агрессия СССР против Литовской республики в январе 1991 года: международные правовые аспекты” (см. Интернет-портал “Bernardinai”). Он утверждает, что: “СССР был ответственен за агрессию против Литвы в январе 1991 г., как и за все акты советской агрессии, начиная с 15 июля 1940 г.”.

Без тени смущения и должных аргументов Жалимас продолжает, что: “Литовская республика никогда не была законной частью СССР, а в 1940–1990 гг. существовала как государство и субъект международного права, несмотря на оккупацию всей ее территории и уничтожение государственных институтов вследствие акта агрессии, осуществленного 15 июля 1940 г.”. Вот как! Оказывается, Литва 50 лет функционировала как независимое государство, только в мире об этом не знали. Но подробнее об этом ниже.

Предъявляя претензии к России, литовская сторона полностью игнорирует тот факт, что тогда российский президент Борис Ельцин фактически сорвал январскую силовую акцию в Литве. Ельцин уже 13 января 1991 г, прибыл в Таллин и обратился оттуда с призывом к русскоязычному населению и к военным, проходящим службу в Прибалтике, быть благоразумными. Позиция Ельцина во многом обусловила то, что Горбачев дал обратный ход акции по наведению конституционного порядка в Литве.

Таллинское заявление российского президента стало одним из первых в цепочке предательских решений и действий Ельцина, в результате которых 25 миллионов русских оказались бесправными заложниками в национальных республиках.

Русских убивали, грабили, выгоняли из квартир, подвергали дичайшим унижениям. И это всё при безучастной позиции российского руководства. В прибалтийских республиках этот процесс был более “цивилизованным”, но от этого не менее унижительным. Надеюсь, что рано или поздно действия Ельцина по развалу Союза, по оставлению русских за пределами России без должной правовой и материальной защиты, по бездумному разграблению и уничтожению советского материального наследия получат должную оценку.

Ну, а в 1990–1991 гг. именно позиция Ельцина позволила руководству Литвы проводить достаточно независимую от Кремля политику и лишь номинально числиться в составе СССР. Для доказательства сошлемся на воспоминания бывшего президента СССР Михаила Горбачева.

В мемуарах “Жизнь и реформы” Горбачев пишет: “4 мая 1990 г. И. Т. Фролов (тогда главный редактор газеты “Правда” и секретарь ЦК КПСС. – В. Ш.) передал мне содержание беседы с видным ученым Вильнюсского университета, приехавшим в Москву по поручению руководства ЦК КПЛ, а также Ландсбергиса. Литовское руководство выражало готовность вступить в диалог с представителями центра, имея в виду, что решения, принятые Верховным Советом Литвы после 11 марта, могут стать объектом обсуждения и приостановления.”

Декларация независимости Литвы может рассматриваться Союзом как акт в значительной степени символический. Литва не будет возражать против интерпретации этого акта, согласно которой речь идет о статусе республики как “ассоциированного члена обновленного Союза ССР”. В то же время конкретная реализация должна быть итогом поэтапного процесса, согласованного с Союзом.

... Однако “суверенизация России” сорвала поиск новой формулы отношений с Прибалтийскими республиками в реформированном Союзе. Она вызвала цепную реакцию принятия аналогичных документов всеми союзными, а затем и автономными республиками. Начался “парад суверенитетов”.

Это свидетельство бывшего Президента СССР полностью дезавуирует утверждения Витаутаса Ландсбергиса о том, что в вопросах отстаивания неза-

висимости Литвы он всегда занимал бескомпромиссную жесткую позицию. Известно, что 12 июня 1990 г., после 50 дней ограничения промышленных поставок нефтепродуктов и газа в Литву (так называемой блокады), Ландсбергис вынужден был приехать в Москву для встречи с Горбачевым. Содержание этой встречи неизвестно, но через две недели по настоянию того же “непреклонного” Ландсбергиса Верховный Совет Литвы принял решение о 100-дневном моратории на Акт независимости.

Вот цена показательной стойкости Ландсбергиса. Достаточно было Кремлю проявить немного твердости, и он был готов на компромисс. Твердолобую позицию в отношении Кремля Ландсбергис сохранил в дальнейшем только благодаря противостоянию Ельцина и Горбачева, в рамках которого у Литвы появилась свобода действий.

Напомним, что после объявления Россией 12 июня 1990 г. суверенитета государственная структура СССР стала сыпаться. Начался, как отмечал Горбачев, парад суверенитетов. Вслед за российским парламентом декларации о независимости приняли 20 июня – Узбекистан, 23 июня – Молдова, 16 июля – Украина, 27 июля – Беларусь. Далее начался каскад провозглашения суверенитета внутри республик. Карелия провозгласила суверенитет 10 августа, далее последовали Татарстан, Башкортостан, Бурятия в РСФСР. Дело дошло до того, что 26 октября 1990 г. суверенитет объявила Иркутская область. Этой ситуацией не преминула воспользоваться Литва.

Вместе с тем следует признать, что у Ландсбергиса были и другие основания для демонстрации “несгибаемой” позиции в отношении Кремля. Он прекрасно знал, что Горбачев “повязан” обещаниями Рейгану и Бушу отпустить Прибалтику из Союза. Поэтому Ландсбергис играл, как сейчас говорят, “заказной матч”, в котором победа ему была гарантирована. Не случайно в интервью английской газете “Дейли мейл” от 7 апреля 1990 г. Ландсбергис заявил: *“Запад должен понять, что Горбачев сам позволил сложиться нашей ситуации. Он в течение двух лет наблюдал за ростом нашего движения за независимость. Он мог бы остановить его в любой момент. Может, он этого хотел или хочет сейчас. Но он его не остановил”*.

Но вернемся к претензиям современной Литвы. В последнее время беспокоят не столько они, сколько непоследовательность позиции российского руководства в отношении претензий наших бывших союзников по СССР и соцлагерю. Для примера напомним, что ещё в 2008 г. Россия отвергла польские претензии за Катынь. Однако в марте-апреле 2010 г. позиция вдруг кардинально изменилась. Игнорируя результаты 14-летнего расследования Главной военной прокуратурой РФ Катынского дела, в ходе которого была достоверно подтверждена гибель лишь 1803 польских военнопленных, российское руководство признало ответственность сталинского руководства за гибель 21 857 военнопленных и арестованных польских граждан.

Определенные изменения наметились и в российско-литовских отношениях. Напомним, что литовская оценка советского прошлого в последние годы была однозначна и бескомпромиссна: России следует признать факт “советской оккупации” Литвы. Дискуссии по этому поводу недопустимы, так как это исключает литовское законодательство. Одним словом литовские политики стояли на позициях: хотите диалога, соглашайтесь на наши требования. В своё время таким же образом вели себя поляки. И добились успеха.

Россия с вышеизложенной трактовкой Литвой совместной истории ранее категорически не соглашалась. Однако 3 февраля 2011 г. Ажубалис, подводя итоги своего визита на пресс-конференции в Москве, с удовлетворением констатировал, что Литва и Россия *“подходят к одинаковой оценке прошлого”*. Понимай как хочешь, то ли Россия согласилась с литовскими оценками совместного прошлого, то ли... Но глава российского МИДа Сергей Лавров на это заявление Ажубалиса не отреагировал.

В ходе московского визита, помимо переговоров с С. Лавровым, Ажубалис встретился с представителями правозащитного общества “Мемориал” и с председателем Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ и одновременно советником президента Михаилом Федотовым. Судя по имеющейся информации, эти встречи прошли в дружественной и конструктивной обстановке!

Возникает вопрос, что может быть общего у известного русофоба и российских правозащитников. Единственное, что приходит на ум — это общая оценка проблемных вопросов советского прошлого Литвы. Можно сделать вывод, что в ходе февральского визита Ажубалис нашёл союзников для будущего формирования российского общественного мнения в отношении “советской оккупации” Литвы. В своё время таким же образом вела себя польская сторона, пытаясь изменить позицию официальной России по Катыни.

Помимо дипломатического наступления, Литва уверенно продвигается к своей цели на историческом направлении. Известно, что С. Лавров достаточно благосклонно отнесся к предложению А. Ажубалиса о том, чтобы оценочные выводы о совместном прошлом сделала бы российско-литовская комиссия историков, действующая уже шестой год.

Между тем известно, что российские представители в этой комиссии уже с первых дней совместной работы согласились с мнением литовской стороны. Тем самым они проигнорировали официальную позицию МИД РФ, многочисленные архивные документы и исследования историков, свидетельствующие о том, что процесс вхождения Литвы в СССР в 1940 г. нельзя трактовать как оккупацию.

Сошлемся лишь на фундаментальное исследование эстонского ученого Магнуса Ильмъярва *“Тихое подчинение. Формирование внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии с середины 1920-х гг. до аннексии 1940”*. Она была издана в 2004 году при содействии Хельсинкского и Стокгольмского университетов. Результаты этого исследования позволяют утверждать, что квалифицировать события 1940 года в Прибалтике как оккупацию нет оснований. Включение Литвы, Латвии и Эстонии в СССР произошло в результате фиаско процессов государственного строительства, возглавляемых прибалтийскими диктаторами Сметоной, Улманисом и Пятсом.

К 1940 году власти Прибалтийских республик исчерпали кредит доверия населения. В силу этого вступление советских войск и последующее вхождение в состав СССР не вызвало особых протестов. Однако политика пролетарского интернационализма, проводимая Москвой, в результате которой игнорировались национальный менталитет, история, особые экономические условия и культурно-бытовые особенности прибалтов, в дальнейшем стали вызывать протест.

Но члены совместной российско-литовской комиссии историков в оценках событий 1940 г. руководствуются своими соображениями. В итоге первый том совместного сборника документов “СССР и Литва в годы Второй мировой войны (март 1939 — август 1940 гг.)”, изданный в 2006 г., трактует события 1940 г. как советскую оккупацию Литвы. Тогдашний министр иностранных дел Литвы Антанас Валионис оценил данный сборник как *“литовскую версию оценки событий предвоенного периода”*. Однако российский МИД эту спорную ситуацию предпочёл спустить на “тормозах”.

В настоящее время к изданию готовится второй том вышеназванного сборника. Об этом Ажубалис заявил на пресс-конференции 3 февраля 2011 г. Естественно, если литовский министр ждёт выхода в свет этой книги, то она, вероятно, вновь подтвердит литовскую версию оценки событий предвоенного периода.

Если события будут развиваться в таком ключе, то можно с большой степенью уверенности предсказать итоги российско-литовского спора по поводу “советской оккупации”. Вначале, видимо, будет озвучено “научно обоснованное” мнение историков о том, что Литва в 1940 и 1991 гг. была оккупирована. Затем к процессу подключится “Мемориал” с требованием признать жертвы советской оккупации в Литве. Далее российские СМИ начнут антисоветскую кампанию. И в итоге кремлевские советники убедят российского президента в том, что следует признать факт двойной советской оккупации Литвы.

То, что при этом будет полностью проигнорирована общепризнанная международная трактовка термина “оккупация”, вряд ли кого-нибудь озаботит. Вряд ли будет учтен и тот факт, что в Литве любое историческое событие советского прошлого, прежде всего, получает политическую трактовку властями поддерживающими, а уже потом литовские историки и праведы пытаются “обосновать” эту трактовку.

В России также игнорируется и то, что литовские историки являются заложниками вздорных политических установок, которые подкреплены законо-

дательным образом. Например, отрицание “факта советской оккупации” в Литве грозит сроком тюремного заключения до 2 лет. В результате дискуссии по спорным историческим вопросам приобретают поистине гротескный характер.

Известный литовский историк Людас Труска (Liudas Truska), всегда отличавшийся взвешенными оценками литовско-советской истории, в интервью “Экспресс-неделе” (02.04.2011), говоря о советском периоде, вынужден делать не вполне корректные заявления. Так, пытаясь дать хоть мало-мальски объективную оценку так называемой “советской оккупации”, он называет её “необычной”, то есть не соответствующей классическому её пониманию. Это, по словам Труски, такая оккупация, когда метрополия (СССР) жила хуже своих “колоний”, чего никогда не было у классических колонизаторов Англии или Франции. Но оккупацией, по мнению Труски, она являлась уже потому, что в результате её “Литва потеряла государственность”.

Однако, если согласиться с такой логикой, то следует признать, что Великое княжество Литовское (ВКЛ), создав унию с Польским королевством, также было оккупировано, так как в результате ВКЛ потеряло не только свою государственность, но и значительную часть истории. Но об этом никто не вспоминает.

Несмотря на явную абсурдность претензий, высказываемых Литвой в адрес России как правопреемницы СССР, возникает опасение, что они могут со временем быть принятыми российским руководством. Об этом свидетельствует явный антисоветизм советников кремлевского руководства, которые готовы согласиться с любым абсурдом, лишь бы он бил по советскому прошлому.

Как известно, от разборок на государственном уровне всего один шаг до частных обвинений. В этой связи обвинения, которые Генпрокуратура Литвы инкриминирует россиянам — организаторам так называемого январского (1991 г.) “государственного переворота”, из **гипотетических становятся достаточно реальными.**

Другое государство?

Следует отметить, что литовские политики, говоря о советском периоде, в отношении СССР используют термин “другое государство”. Даже применительно к периоду 11 марта 1990 г. — 6 сентября 1991 г. этот термин в правовом смысле абсолютно не корректен. Он является пропагандистской метафорой, которую в 1990 г. ввел в обиход Витаутас Ландсбергис.

Широкое и повсеместное использование термина “другое государство” в отношении СССР отражает политический настрой правящей литовской элиты, в основе которого лежит стремление “поставить на место” Россию как правопреемницу СССР, и получить компенсацию за так называемый период советской оккупации.

Напомним, что литовские гособвинители на процессах 1993—1999 гг. против так называемых организаторов январского “государственного переворота”, формулируя обвинения в их адрес, немало времени тратили как на доказательство факта “советской оккупации” Литвы, так и факта незаконности советской власти в Литве.

Им вторят литовские политики и историки, мнение которых широко тиражируют СМИ. Уже были приведены “изыскания” Жалимаса, согласно которым Литва якобы никогда не входила в СССР и не была его полноправной частью. Однако литовские политики и юристы недооценивают опасности использования на официальном уровне некорректной терминологии в оценках взаимоотношений Литовской ССР и СССР. Это может стать бумерангом, который, прежде всего, ударит по Литовской Республике. Постараемся это доказать.

Прежде всего, напомним, что в течение 45 лет граждане Литовской ССР, в том числе и В. Ландсбергис, исправно “тайно” голосовали за советскую власть. Далее, в Литве действовала Коммунистическая партия, насчитывающая 200 тысяч членов. К этому следует добавить Коммунистический Союз молодежи Литвы, объединявший в своих рядах более 500 тысяч юношей и девушек. Если учесть, что коммунисты и комсомольцы имели семьи или жили в семьях, то получается, что минимум 2 с лишним миллиона человек из 3,7 миллиона общего населения Литвы (около 60%) сознательно приняли

советскую власть и участвовали в её структурах. В Компартию и комсомол литовцев силком не затаскивали.

Кстати, Ландсбергис в послевоенный период вступил в комсомол, предвзвительно отрекшись от отца. Делал он попытки вступить и в КПСС. Но безуспешно. Заметим, что партийная организация Литовской консерватории, где на кафедре марксизма-ленинизма подвизался будущий глава “Саюдиса”, находилась на партийном учете в Октябрьском райкоме партии г. Вильнюса. Об этих попытках мне как первому секретарю этого райкома партии стало известно только после того, как Ландсбергис стал во главе “Саюдиса” и стал позиционировать себя как антикоммунист.

Также не следует забывать, что в течение 45 лет большинство литовских юношей проходили службу в рядах Советской Армии. Там они как законопослушные советские граждане не только давали присягу на верность СССР, но и весьма достойно несли службу. Призывники из Литвы считались одними из лучших в Советской Армии. Это ли не ещё одно свидетельство полноправного и добровольного пребывания Литвы в составе СССР?

Если согласиться, что все 50 лет советского периода Советский Союз для Литвы являлся другим государством, то в этом случае возникает вопрос о легитимности избранного в феврале-марте 1990 г. Верховного Совета Литовской ССР. Ведь выборы осуществлялись на основании законов СССР и Литовской ССР, которые, по современной литовской терминологии, являлись “оккупационными”. В этой связи встает вопрос – имели ли депутаты “оккупационного” ВС Литовской ССР полномочия заявить 11 марта 1990 г. о восстановлении Литовской республики?

Сомнительными являются и утверждения литовских политиков о том, что Народный сейм Литвы, объявивший в 1940 г. вхождение Литвы в СССР, был не легитимен, так как выборы в него проходили в присутствии “оккупационных” советских войск. Современная международная практика подтвердила ничтожность этих заявлений. Так, в недавнем прошлом в Афганистане и Ираке состоялись выборы в присутствии оккупационных войск США, однако мировое сообщество, в том числе и ООН, признало результаты этих выборов.

Заметим также, что термин “оккупационные” не может быть применен к советским войскам, находившимся в Литве в 1940 г. на основании двухсторонних советско-литовских договоров.

Если же аргументы литовских правоведов по поводу нелегитимности вхождения Литвы в СССР в 1940 г. применить к событиям 1918–1919 гг., то легитимность обретения Литвой независимости в 1918 г. окажется под большим вопросом. Дело в том, что известный Акт независимости Литвы от 16 февраля 1918 г. принимался в условиях оккупации Литвы кайзеровскими войсками.

В этой связи следует напомнить ряд нелицеприятных обстоятельств, наличие которых позволяет считать провозглашение независимости Литвы 16 февраля 1918 г. сомнительным. Для того чтобы не быть обвиненными в предвзятости, сошлемся на патриарха литовских историков Антанаса Шапоку, издавшему в 1936 г. фундаментальный труд “Lietuvos istorija” (История Литвы).

Шапока сообщает: 11 декабря 1917 г. Литовский Совет (Lietuvos Taryba, далее Тариба) заявил об отделении от России и восстановлении независимого литовского государства со столицей в Вильнюсе. В этом заявлении содержалась просьба к Германии защищать новое государство. Там же провозглашались “постоянные (вечные) твердые союзнические связи с Германским государством”. Они предполагали совместные военную, таможенную и денежную системы. Это было естественно, так как текст декабрьского заявления Тарибы писался под диктовку немецких оккупационных властей.

Однако “левое крыло” в Тарибе вскоре подняло вопрос о создании независимого литовского государства. Правые во главе с председателем Тарибы Антанасом Сметоной (Antanas Smetona) не согласились. Левые в знак протеста покинули Тарибу. Но 15 февраля 1918 г. Тариба решила обсудить требования левых. На заседании был рассмотрен текст заявления о независимости Литвы, который предложили левые.

Этот текст фактически без изменений вошел в заявление (точнее “Nutarymas” – “Решение”), которое было принято 16 февраля 1918 г. За формулировки “решения” проголосовало 11 человек. Воздержались три члена Тарибы, в том числе и А. Сметона. Они настаивали на формулировках 11 дека-

бря 1917 г. В итоге Сметона был вынужден отказаться от поста председателя Тарибы. Новым председателем был избран известный литовский просветитель Йонас Басанавичюс (Jonas Basanavicius). Именно под его председательством и было принято решение о независимом литовском государстве.

Впоследствии документ, принятый 16 февраля 1918 г., стал именоваться «Актом провозглашения независимости Литвы». Однако заявление от 16 февраля 1918 г. носило чисто декларативный характер и в течение 9 месяцев не имело никаких правовых последствий. Немецкие оккупационные власти запретили обнародование этого заявления и потребовали возврата к заявлению 11 декабря. В феврале 1918 г. о существовании этого заявления знал лишь узкий круг людей. Тариба же была фактически изолирована, не могла полноценно функционировать, *«ей не было предоставлено никакой власти»*.

В этой ситуации Тариба, нарушая своё решение от 16 февраля о том, что устройство Литовского государства будет определять демократически избранный учредительный сейм, 4 июня 1918 г. якобы во имя *«спасения Литовского государства»* провозгласила Литву королевством. На литовский трон пригласили прусского герцога фон Ураха, которого стали именовать Миндаугасом. Тем самым Тариба признала решение от 16 февраля 1918 г. ничтожным.

Отметим, что Германия не признавала Тарибу как государственный орган. Она постоянно пыталась присоединить Литву к Пруссии. Так продолжалось до поражения Германии. Только в ноябре 1918 г. последний канцлер Германской империи Макс фон Баден разрешил создать Литовское правительство. Однако оно во главе с Аугустинасом Вольдемарасом (Augustinas Voldemaras) было безвластно и беспомощно. Оно не располагало ни финансами, ни помещениями, ни силовыми структурами, ни структурами власти на местах. Единственным гарантом существования правительства Вольдемараса являлось присутствие немецких оккупационных войск.

С учетом вышеизложенного, заявления литовских историков и политиков относительно легитимности провозглашения 16 февраля 1918 г. Литовской республики в условиях немецкой оккупации являются более чем сомнительными.

В то же время эти же историки утверждают, что провозглашение 16 декабря 1918 г. Литовской Советской республики было не легитимным, так как опиралось на штыки Красной Армии. Однако эти два события являются в определенной степени однотипными и не могут трактоваться по-разному.

Заметим, что провозглашение советской власти в Литве в декабре 1918 г. имело существенно большие объективные предпосылки, нежели провозглашение Литовской республики 16 февраля 1918 г. Известно, что революционный настрой среди солдат бывшей царской армии, призванных из Прибалтики, был на порядок выше, нежели в целом по России. Хорошо известна роль латышских стрелков в революционных событиях. Но не менее значительной была роль солдат бывшей царской армии, призванных на службу из Литвы. Именно им было поручено охранять Ленина. Но большинство советских и российских исследователей представляют их как латышей.

16 декабря 1918 г. правительство В. Мицкявичюса-Капсукаса обнародовало Манифест о переходе всей власти в Литве в руки *«Советов рабочих, безземельных и малоземельных депутатов»*. 19 декабря 1918 г. этот манифест был опубликован в газете *«Известия»* и объявлен по радио на весь мир. 22 декабря 1918 г. правительство Советской России в лице Совета Народных Комиссаров признало Литовскую Советскую Республику. В январе 1919 г. на большей части территории Литвы действовали органы советской власти – Советы рабочих, безземельных и красноармейских депутатов. 18–20 февраля 1919 г. в Вильнюсе состоялся I съезд этих Советов, на котором присутствовало 220 делегатов из разных уголков Литвы.

Для сравнения напомним, что же представляло собой в декабре 1918 г. прогерманское правительство Литовской республики. В то время его возглавлял Миколас Слежявичюс (Mykolas Slezevicius). В воспоминаниях об этом периоде он писал: *«Остаться в таком положении нельзя. Большевики валят большими массами. Опереться не на кого, так как нет никакой военной силы. Падет Вильнюс, через несколько дней и Каунас, и вся Литва достанется большевикам...»*.

Только немецкие штыки в 1919 г. позволили в Каунасе удержаться Тарибе и провозглашенной Первой Литовской республике. От финансового краха Литовскую республику тогда спас оккупационный немецкий банк Darlehnskasse-

Ost. Он предоставил Государственной Тарибе и её правительству в Каунасе 100 млн марок.

Как видим, фактически полусекретное решение литовской Тарибы о независимости Литвы от 16 февраля 1918 г. не могло идти ни в какое сравнение с гласным провозглашением Литовской Советской республики, которое опиралось на реальную поддержку трудящихся. Как известно, Советскую Литву с центром в Вильнюсе в 1919–1920 гг. задушила польская интервенция. Подвергая сомнению легитимность Литовской Советской республики 1918–1919 гг., литовские историки тем самым подвергают сомнению и легитимность провозглашения независимости Литвы в феврале 1918 г.

Между прочим, Соединенные Штаты Америки не признавали первую Литовскую республику до 1922 г. Впоследствии в силу геополитических причин США изменили свою позицию и 12 августа 1940 г. направили Советскому Союзу меморандум, в котором Прибалтийские республики назывались *“окупированными странами”*. Однако это не мешало Соединенным Штатам вплоть до сентября 1991 г. признавать факт нахождения этих республик в составе СССР.

Об этом свидетельствуют подписи президентов США под документами Ялтинских и Потсдамских соглашений, а также под Хельсинкским заключительным актом 1975 года. Все ссылки Ландсбергиса в 1990–1991 гг. на позицию США в отношении независимости Литвы, нейтрализуются простым обращением к информационным источникам того времени. Напомним, что США после провозглашения Литвой независимости в марте 1990 г. не спешили принять её в свои объятия.

Дж. Буш в ответ на призыв признать правительство В. Ландсбергиса де-факто в качестве первого, промежуточного шага на пути к полному дипломатическому признанию Литвы заявил, что он не намерен делать этого. По словам пресс-секретаря Белого дома, *“президент твердо заявил, что США в подходе к этой проблеме должны учитывать множество аспектов, что мы поддерживаем гласность и перестройку... И более того, в нынешней обстановке Литва в состоянии рассматривать свое будущее в ином свете, именно благодаря гласности и перестройке”*.

В сообщении ТАСС было отмечено, что на проходившей 12 апреля 1990 г. встрече с представителями деловых кругов первый заместитель госсекретаря США Лоуренс Иглбергер сказал, что Соединенные Штаты не собираются оказывать какой-либо помощи непосредственно Латвии, Литве и Эстонии.

Но вернемся к США. Американская общественность не поддержала идею литовской независимости. 13 апреля 1990 г. газета *“Известия”* напечатала результаты опроса в США, проведенного телекомпанией *“Эн-би-си”* (NBC) совместно с газетой *“Уолл-стрит джорнэл”*. Свыше двух третей американцев заявили, что Соединенным Штатам не следует признавать независимость Литвы. Опрос также показал, что если американцам, придется *“делать выбор между Горбачевым и Литвой”*, то большинство сделает выбор в пользу советского президента. Шесть из десяти опрошенных американцев заявили, что *“куда важнее поддерживать дружественные отношения с Горбачевым”*.

Эта информация явилась холодным душем для Ландсбергиса, который мечтал стремительным натиском вывести Литву из СССР и стать *“отцом-освободителем”*. Объявленная им независимость всё более превращалась в декларативную. С этого времени в речах Ландсбергиса всё чаще стала звучать фраза: **“Свобода не бывает без крови!”** или *“Независимости нужна искупительная жертва!”*

Только кровавое жертвоприношение на алтарь свободы, по убеждению Ландсбергиса, могло сплотить литовскую нацию и вырвать у Кремля долгожданную реальную независимость. Однако глава Верховного Совета Литвы ломился в *“открытую дверь”*. Ещё раз напомним, что Горбачев во время декабрьской (1989 г.) встречи с Бушем на Мальте подтвердил, что прибалтийские республики получат право на выход из Союза. Во время следующей встречи с Бушем в Вашингтоне и на ранчо в Кемп-Девиде (май–июнь 1990 г.) эта договоренность была подтверждена.

Впоследствии один из бывших ближайших соратников Ландсбергиса Аудриус Буткявичюс в одном из интервью (См. *“Обзор”* № 15/170, апрель 2000 г.) заявил, что, по словам начальника Генштаба ВС СССР генерала армии Михаила Моисеева, вопрос выхода Литвы из СССР в 1990 г. военные считали делом решенным.

Постепенное движение Литвы к реальной независимости исключило бы ненужные эксцессы и жертвы. Так действовала Эстония. Подобным образом поступила и Латвия. Её Верховный Совет 4 мая 1990 г. принял Декларацию о поэтапном восстановлении независимости республики.

Но этот путь был не для Ландсбергиса и его сподвижников. Им хотелось быстрее получить власть, блага и привилегии, которая предоставляла независимость, ВСЕ и СРАЗУ. Путь для этого был один – идти на усиление конфронтации с Москвой и вынудить её применить силу. Что и произошло в январе 1991 г.

Казалось бы, после кровавых январских событий Литва триумфально немедленно выйдет из СССР. На деле всё оказалось сложнее. В СССР нарастало сопротивление сепаратизму. На апрельском (1991 г.) Пленуме ЦК КПСС Горбачев получил очередное предупреждение. Ряд членов ЦК высказали жесточайшую критику разрушительной политике Генсека. В стране воцарилось зыбкое противостяние.

В этот момент Ландсбергис решил форсировать процесс обретения Литвой реальной независимости. В начале мая 1991 г., он направился в Вашингтон к Дж. Бушу. Однако и на этот раз американский президент заявил, что его страна поддерживает Советское руководство и США не будут вмешиваться в разрешение литовско-советских проблем, а Ландсбергису было рекомендовано начать переговоры с Кремлем. Вот тогда Ландсбергис и решил послать в Москву профессора, о чем писал Горбачев. Как видим, все утверждения Ландсбергиса в период марта 1990 – сентября 1991 г. том, что Литва уже являлась независимой, не более чем фикция.

То, что в 1990–1991 гг. Литва не являлась полноправным независимым субъектом международного права, подтверждает и отсутствие ряда атрибутов, которые свидетельствуют о реальной государственной независимости. В марте 1990 г. и позже депутаты Верховного Совета Литвы, объявившие независимость, как и другие жители Литвы, имели паспорта граждан СССР.

Вышеизложенные факты приведены не для того, чтобы принизить значение провозглашения независимости Литвы в феврале 1918 г. и в марте 1991 г. Значимость этих событий определяет только сама Литовская Республика. Анализ проблемных моментов литовской истории был осуществлен лишь для того, чтобы показать литовским историкам и политикам, как излюбленные ими не вполне корректные “исторические умозаключения” и выводы могут быть применены к оценке истории самой Литвы.

Следует рассмотреть ещё один аспект возможных последствий рассуждений литовских политиков. Если согласиться с их утверждениями о том, что Литва не была частью СССР, то возникает вопрос о тех территориальных приобретениях, которые Литовская ССР получила благодаря пребыванию в СССР. В таком случае права Литовской Республики на них весьма сомнительны. Что это за территории?

Прежде всего, это Вильнюсский край, который Литва в ответ на мартовский (1938 г.) польский ультиматум признала неотъемлемой частью Польши. В 1939 г. Вильнюсский край был передан Советским Союзом Литве в обмен на право разместить ограниченный воинский контингент на её территории.

Это также Клайпедский край. Напомним, что Литовская Республика в марте 1939 г. в ответ на германский ультиматум безоговорочно согласилась вернуть Германии Клайпедский край. 22 марта 1939 г. министр иностранных дел Литвы Юозас Урбшис и министр иностранных дел Германии Иохим фон Риббентроп подписали договор-пакт, в статье 1-й которого констатировалось, что *“Клайпедский край, который был отторгнут от Германии согласно Версальскому договору, вновь воссоединяется с Германским Рейхом”*. 1 апреля 1939 г. Президент А. Сметона в соответствии со статьей 112 Конституции Литвы ратифицировал этот договор.

После разгрома Германии по решению Потсдамской конференции (июль 1945 г.) территория Восточной Пруссии и входивший в нее Клайпедский край были переданы Советскому Союзу. В 1948 г. по предложению Сталина Клайпедский край и часть Куршской косы были включены в состав Литовской ССР. Однако документальные правовые основания относительно нахождения Клайпедского края в составе Литовской Республики отсутствуют.

Литовским политикам это известно, но, тем не менее, сегодня они претендуют не только на Клайпедский край, но и на Калининградскую область. По этому поводу общественный Совет по делам “Малой Литвы” (так именуется в Литве территория Калининградской области и Клайпедского края) в августе 2005 г. организовал дискуссию под названием “Потсдам и Литва” (См. “Potsdamas ir Karaliaučiaus krastas”. Vilnius, 1996).

Центральный докладчиком на этом круглом столе являлся Витаутас Ландсбергис. Его аргументацию претензий на Малую Литву перепевали все последующие выступающие. В чем их суть? Ландсбергис утверждал: решения Потсдамской конференции не легитимны, так как никем не были утверждены. Восточная Пруссия, т. е. современная Калининградская область, была передана СССР во временное управление. С исчезновением Советского Союза вопрос российского суверенитета над этой территорией становится проблематичным.

Ландсбергис также заявил о том, что в правовом плане все бывшие республики СССР имеют равные права на эту территорию. Но подчеркнул, что не следует забывать о несомненном приоритете Литвы. Аргументировал он это тем, что здесь издавна жили малолитовцы или литовники (lietuvinkai). Главный вывод, который сделали участники круглого стола, состоял в том, что “Литовскому государству следует оказывать большее влияние в Караяучюсском (Калининградском) крае”. Ибо только это, по их мнению, позволит избежать напряженности в отношениях между русскими, немцами и поляками, претендующими на территории бывшей Восточной Пруссии (Калининградской области). Но для начала следует добиться возвращения населенным пунктам Караяучюсского края исконно литовских названий.

Тема территориальной принадлежности бывшей Восточной Пруссии слишком обширна для настоящего исследования. Ограничимся тем, что переадресуем её специалистам из российского МИДа. Пока эта тема их не волнует, но со временем она встанет в полный рост. Во многом это будет обусловлено не позицией Литвы, а позицией Федеративной Республики Германии. О том, какие настроения зреют в этой стране, расскажем несколько позже.

Однако вернемся к территориям, которые Литва приобрела, став частью СССР. В августе 1940 г. VII чрезвычайная сессия Верховного Совета СССР, принявшая закон о вхождении Литовской ССР в состав СССР, также приняла решение о передаче Советской Литве части территории Белорусской ССР с городами, носящими сегодня названия: Швенчёнис, Шальчининкай, Друскининкай и поселками: Адутишкес, Девянишкис, Даугилишкес и др.

Известно, что литовские делегаты первоначально просили передать в состав Литовской ССР только Свенцянский (Швенчёнский) район. Однако член литовской делегации, председатель Союза писателей Литвы Людас Гира напомнил о литовских селениях Марцинконис, Девянишкес и о курорте Друскининкай. Вопрос тут же был решен в пользу Литвы.

Дополнительно напомним, что в январе 1941 г., когда Литва уже была частью СССР, советское руководство выкупило у Германии за 7,5 миллиона золотых долларов территории Вилкавишского и частично Мариямпольского, Сеймского и Алитусского уездов, которые были включены в состав Литовской ССР. (См. секретный протокол от 10 января 1941 г., подписанный Молотовым и Шуленбургом).

Кстати, выкупленные у Германии территории, а также территории, прилегающие к городу Друскининкай, географически являются территориальным коридором, который мог бы обеспечить прямую связь России с Калининградской областью через территорию Белоруссии.

В целом же современное литовское государства в его общепризнанных границах со столицей городом Вильнюсом и Клайпедским краем является следствием послевоенного урегулирования территориальных вопросов в Европе, в решении которых Советский Союз сыграл решающую роль. Но литовские политики принимают это как должное, постоянно при этом критикуя политику СССР.

Признание сталинского периода преступным, на котором настаивают некоторые литовские политики, автоматически поставит вопрос о границах Литовской Республики. Надежды Литвы на нерушимость договоров о границах, заключенные в 1990-х годах, крайне сомнительны. Вспомним, сколько подобных договоров было заключено в канун Второй мировой войны! Сегодня в

Европе желающих пересмотреть Ялтинские и Потсдамские соглашения уже немало.

Достаточно сказать, что в феврале 2006 г. действующее в ФРГ общество “Прусская доверительная собственность” (“Preussische Treuhand”), тесно связанное с немецким “Союзом изгнанных”, обратилось в Международный суд по правам человека с иском против Польши. Немцы в этом иске потребовали возвращения конфискованных после Второй мировой войны земель их прежним собственникам.

И хотя в октябре 2008 г. Европейский суд ООН признал иск организации “Preussische Treuhand” незаконным, сама ситуация свидетельствует о том, что претензии немцев на бывшие территории могут обрести плоть и кровь. Для сведения сообщим, что 5 августа 2010 г. немецкий “Союз изгнанных”, объединяющий 2 миллиона активных членов, торжественно отметил 60-летие принятия “Хартии изгнанных”. Этот сомнительный документ пытается представить немцев жертвами Второй мировой войны, которых насильно изгнали из родных мест. На этом “торжестве” присутствовал министр внутренних дел Германии Томас де Мезьер (Thomas de Maiziere), а также председатель Бундестага Норберт Ламмерт (Norbert Lammert).

Вновь обратимся к оценкам литовского историка Людаса Труски. Он, давая 7 марта 2011 г. интервью информационному portalу “Delfi.lt”, высказал опасение по поводу возможных территориальных претензий к Литве. Труска заявил, что *“как знать, может, это снова возобновится, станет спорным вопросом Вильнюс, Клайпеда? Мы на 100% не можем сказать, что прежние территориальные проблемы не повторятся в будущем”*.

Одним словом, литовским политикам и юристам, бездумно применяющим спорные и неподрумянные формулировки в отношении исторических событий во взаимоотношениях СССР и Литовской ССР, следует хорошо подумать, прежде чем использовать их в документах и заявлениях.

Что касается последней претензии Литвы по поводу советской агрессии в январе 1991 г., то целесообразно рассмотреть обстоятельства, которые привели к трагическим январским событиям. Это позволит сделать объективный вывод о подлинных виновниках этих событий.

Противостояние

Последние 20 лет литовские власти пытаются представить январскую ситуацию 1991 г. следующим образом. После объявления независимости 11 марта 1990 г. Литовская республика в едином монолитном строю, за исключением жалкой кучки “отщепенцев”, возглавляемых партией “другого” государства (Компартия Литвы/КПСС), строила своё государство. Упомянутая “кучка”, в основном состоявшая из иноязычных, и спровоцировала в конце концов кровавое столкновение у телебашни. Вроде бы просто и понятно.

Но это не только примитивное, но и ложное объяснение. Оно не объясняет, почему многие русскоязычные, прекрасно владеющие литовским языком, весьма неуютно почувствовали себя в Литве, провозгласившей независимость. Почему практически вся многотысячная польская диаспора, проживающая в Литве не одну сотню лет, также неодобрительно приняла ультимативный выход республики из СССР?

Всё дело в том, что клика Ландсбергиса, сумев подчинить своему влиянию Движение за перестройку “Саудис”, прикрываясь борьбой за независимость, начала строить этнократическое государство. Не случайно Витаутас Петкявичюс в книге “Корабль дураков” точно подметил, что *“вопли о свободной Литве были по сути простейшей, никем не регулируемой борьбой за власть”* (с. 58).

8 января 2011 г. Витаутас Ландсбергис, бывший глава Верховного Совета Литвы, провозгласившего в марте 1990 г. независимость Литвы, в своём интервью РИА Новости вновь повторил свою избитую версию о причинах противостояния в Литве. Якобы в 1990 г. движению республики к полной независимости противостояли *“люди из Компартии Литвы, которые, потеряв здесь власть, хотели, прислуживаясь Москве, снова сесть на трон в Вильнюсе”*. Большой глупости трудно придумать. Известно, что после XX съезда Компартии Литвы, на котором произошёл раскол, абсолютное большинство партий-

ной элиты (99,0%) занимавшей “хлебные места” в единой Компартии, дружно перешли под знамена Бразаускаса.

В Компартии на платформе КПСС остались в основном рядовые коммунисты, секретари партийных организаций трудовых коллективов и секретари нескольких райкомов партии: Вильнюсского, Октябрьского, Шальчининского. Напомним, что решение о Компартии Литвы на платформе КПСС принимала не партийная элита, а секретари первичных партийных организаций и рядовые коммунисты, являвшиеся делегатами XX съезда Компартии Литвы.

Соответственно это определило состав партийных кадров и актива КПЛ/КПСС. Начнём персонально с руководства Компартии/КПСС. Первый секретарь ЦК Миколас Бурокаявичюс – учёный, доктор исторических наук, профессор; второй секретарь ЦК, бывший первый секретарь Октябрьского райкома компартии г. Вильнюса Владислав Швед. Его можно причислить в партократам. Правда, в начале 1990 г. Шведу неоднократно предлагали солидные должности в партии Бразаускаса. Если бы он желал власти и благ, то перешёл бы туда.

Секретарь ЦК Юозас Куолялис когда-то работал заведомом ЦК КПЛ (единой). Потом занимал пост председателя Комитета по радио и телевидению Литвы. В начале 1990 г. ему предлагали неплохую дипломатическую должность, но он предпочёл работать в компартии Литвы/КПСС. Секретарь ЦК и первый секретарь Вильнюсского горкома партии Валентин Лазутка, учёный, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права АН Литовской ССР. К властной элите его никак не причислишь. Секретарь ЦК Альгимантас Науджюнас, генерал космических войск, служивший на Байконуре. Там у него власти было неизмеримо больше, чем в Литве. Тем не менее, в трудную минуту он вернулся на Родину, чтобы послужить ей. И, наконец, секретарь ЦК Леон Янкелевич, первый секретарь сельского Шальчининского райкома партии. Он, будучи избранным в Верховный Совет Литвы в 1990 г., мог вести достаточно спокойную и обеспеченную жизнь в качестве депутата. Однако Янкелевич предпочел, опираясь на компартию, защищать права польского населения.

Что же касается воссозданных райкомов партии на платформе КПСС, то их возглавили бывшие партийные активисты или рядовые сотрудники райкомов. Например, первым секретарем Октябрьского райкома партии был избран бывший инструктор райкома Вячеслав Добычин, вторым секретарем – токарь завода радиоизмерительных приборов Михаил Шкулепа.

Советский райком партии возглавил бывший слесарь одного из небольших вильнюсских заводов Илья Бутримович. Ранее на этом заводе он был партийным активистом. И. Бутримович в ночь на 13 января 1991 г. получил тяжелые травмы у телебашни и спустя несколько дней умер. Но январской жертвой его в Литве не считают. Память о нём осталась только в сердцах его близких и друзей.

Можно назвать ещё немало так называемых партийных функционеров, возглавивших в 1990 г. райкомы компартии на платформе КПСС. Большинство из них никогда раньше не занимались партийной работой и никогда не занимали руководящих постов в партии. Какую власть они хотели вернуть? Только одну, власть советских законов, которые гарантировали социальное и национальное равноправие.

Компартия Литвы позволяла организованной силе сепаратистов противопоставить организованную силу сторонников пребывания Литвы в обновленном Союзе. Вот почему многие коммунисты, в том числе и те, кто ранее скептически относились к партийным функционерам, пришли в 1990 г. в Компартию, оставшуюся в КПСС. Эти люди считали, что если не они, то кто сдержит ползучий сепаратизм, круто замешенный на национализме, разъедавший основы великой Родины. Так было и в страшном 1941 г., когда на смену погибшему командному составу приходил младший комсостав, а то и просто рядовые, которые поднимали в атаку роты и батальоны, чтобы преградить путь фашистскому зверю к Москве. Только в 1990 г. измена поселилась уже в самом московском Кремле.

Сегодня следует признать, что компартия Литвы (на платформе КПСС) выполнила свою задачу, отстаивая национальное равноправие в республике. Во многом благодаря коммунистам, оставшимся в КПСС, литовские власти, единственные в Прибалтике, предпочли не усугублять национальную кон-

фронтацию и пошли на предоставление гражданства всем проживающим в республике.

Утверждения Ландсбергиса о партократах, стремившихся в январе 1991 г. вернуть утраченную власть, являются ложью. Но ему не привыкать. За последние 20 лет слова правды, которые Ландсбергис произнёс о январских событиях, вряд ли заняли бы больше одного тетрадного листа. К сожалению, в 1990 г. измышления о литовских коммунистах как о “партократах” активно тиражировала и российская демократическая пресса.

В 1989–1991 гг. в головы россиян ежедневно вколачивалась дезинформация о том, что в Литве недовольна лишь “жалкая кучка” партаппаратчиков, лишившихся должностей и привилегий. При этом московские журналисты нередко шли на явную фальсификацию фактов. Приведем наиболее характерный пример. Сразу же после XXVIII съезда КПСС на страницах газеты “Megapolis – EXPRESS” (№ 12 от 19 июля 1990 г.) появилась статья под названием “Чужие” корреспондента газеты Екатерины Барабаш, побывавшей в Литве.

В статье утверждалось, что главным виновником противостояния в Литве является “партийная верхушка, которая всеми силами пытается сохранить крохи былой власти”. Выше уже рассказывалось об этих так называемых партократах.

Барабаш заявила, что когда она обратилась к Шведу как председателю Гражданского комитета Литовской ССР с просьбой предоставить факты дискриминации сторонников Союза, оказалось, что у него они отсутствуют.

Сегодня это утверждение вызывает улыбку, так как за истекшие годы стало известно огромное количество фактов дискриминации русскоязычных в Прибалтике. Но тогда оно воспринималось как истина.

Во время пребывания Барабаш в Вильнюсе я уже располагал 260-страничным обзором “Литва – 1988–1989 гг.”, в котором было представлено достаточно фактов о дискриминации по национальным и политическим мотивам. Один экземпляр этого обзора ещё в декабре 1989 года был передан секретарю ЦК КПСС Разумовскому для членов Политбюро. В любой момент я мог бы предоставить его Барабаш. Этот обзор и сегодня у меня на столе. Помимо этого в тот период в аппарате ЦК шла подготовка “Белой книги” о дискриминационной политике новых властей. Но Барабаш в разговоре со мной вообще не поднимала тему дискриминации. По её словам, для неё этот факт был очевиден.

Как потом выяснилось, эту своеобразную “очевидность” Барабаш сумел внушить председателю парламентской комиссии по гражданским правам и национальным отношениям Верховного Совета Литвы Ю. Чепайтис. Тот сообщил ей, что якобы обращался к Шведу с просьбой предоставить материалы о случаях нарушения гражданских прав, но “Швед отказался”. Это заявление Чепайтиса Барабаш даже не удосужилась проверить. И описала его как неопровержимый факт отсутствия таких материалов.

Видимо, “саюдисты” в ВС сумели должным образом приветить московскую гостью, представляясь жертвами кремлевского произвола и их ставленников в республике. Бывшему агенту КГБ “Юозасу” – Чепайтису не впервой было врать, не краснея, только он предпочел умолчать о том, что руководимая им парламентская комиссия игнорировала все обращения Гражданского комитета по поводу нарушений гражданских прав в республике.

Даже когда я был избран депутатом ВС, мои попытки озвучить какие-либо факты дискриминации по национальному или политическому признаку в Верховном Совете просто блокировались. Кстати, разместили меня в зале заседаний ВС тоже по-особому. Слева в первом ряду зала поставили отдельный стол, за который усадили меня, отделив от других столов “санитарным” кордоном в два метра. Остальные депутаты сидели по два. Зал делал вид, что меня не существует.

Статей, подобных “Чужим”, в союзной прессе появлялось немало. Они формировали мнение у россиян о том, что ужасные “кэлээсесовцы” не дают бедной Литве обрести “свободу и демократию”. Кстати, в статье корреспондент “Megapolis” утверждала, ссылаясь на меня, что противостояние в Литве было только по национальному признаку. Однако я всегда подчеркивал, что сторонников Союза среди литовцев, особенно в первый период, было немало. В этой связи особо следует сказать о коммунистах литовской национальности.

Сегодня, спустя двадцать лет со дня описываемых событий, я могу с полной уверенностью заявить, что в Литве советской власти и социализма, в положительном плане, было значительно больше, нежели в России. Взаимоотношения в Компартии Литвы, особенно при первом секретаре ЦК Компартии Литвы Антанасе Снечке, как мне кажется, были более коммунистическими, нежели в других региональных организациях КПСС.

В первые месяцы, когда стал обсуждаться вопрос о выходе Компартии Литвы из КПСС, многие из коммунистов-литовцев заняли четкую позицию — остаемся в КПСС и в Союзе. Но общественное мнение в национальных республиках страшная штука. Оно заставляло и очень сильных людей во имя блага своих близких отступать. Особенно когда стало ясно, что Москва без сожаления сдает своих сторонников.

В этой связи следует привести выдержки из моего выступления 18 августа 1989 г. на совещании первых секретарей райкомов партии в ЦК КП Литвы, посвященном июльскому постановлению Политбюро ЦК КПСС «О ситуации в Прибалтийских республиках». *«Меня волнует следующий момент. Я просмотрел записи подобного нашего совещания, состоявшегося 11 февраля этого года. На нем активно выступали мои коллеги, сегодня все молчат. Замечу, что многих из выступавших 11 февраля сегодня в зале уже нет. Вот такая проблема.*

Теперь другой вопрос. Сколько замечаний и предложений высказывалось на совещании 11 февраля, предлагалось, что и как надо делать. Однако, простите, до сих пор ничего не сделано. Вот и возникает вопрос, наверное, нам надо сегодня определиться: за что мы боремся и как представляем будущее республики, потому что без этого невозможно доводить намеченное до конца.

... Достаточно сказать, что начался выход из партии активистов. Из республики стали уезжать русские, у меня есть конкретные адреса. Стали также выезжать и евреи. А ведь не без нашей пассивной позиции была создана эта атмосфера неуверенности отдельных групп населения в своем будущем.

... Сегодня не говорится правда о сложности и напряженности в межнациональных отношениях. Надо было дожидаться, пока на Западе появилась информация о том, что в Прибалтике принимаются дискриминационные законы. Мы же никак не могли этого сказать.

... Пользуясь возможностью, хочу поднять и такую проблему. Надо покончить с мифами, которые кто-то усиленно пропагандирует. Так вот, вчера по телевидению прозвучало, что митинги и другие акции устраивают иноязычные бюрократы, которые боятся потерять свои кресла. Надо полагать, и меня хотели бы отнестись к таким бюрократам. Правда, жизнь показала, что сегодня для того, чтобы удержаться в кресле, надо наоборот не высовываться и молчать. Но с этим я никак не могу согласиться».

К августу 1989 г. в Компартии Литвы осталось немного не согласных с провозглашенной «Саюдисом» целью — только выход из Союза. В этот период многие литовцы мне говорили: «Владисловас, у тебя есть Россия, а у нас — наша Литва!». Я никогда не считал предателями тех своих знакомых и сослуживцев, кто выбрал независимую Литву. Для них выбор был очевиден. Но всегда испытывал чувство брезгливости к тем, кто в советские времена истово молился «коммунистическим богам», а потом так же рьяно доказывал, что всю жизнь ненавидел советскую власть.

Однако вернемся к фактам, которые характеризуют ситуацию, предшествующую январским событиям. Особо следует подчеркнуть, что после прихода к власти клики Ландсбергиса противостояние в республике было не только межнациональным, но и политическим.

Прежде всего, раскололся «Саюдис». Ушел его основной организатор и неформальный лидер Витаутас Петкявичюс. В своём интервью газете «Gimtasis kraštas» («Родной край», 5–12 сентября 1989 г.) он заявил: «Пришли крикуны, хулиганы, они заправляют всем от имени «Саюдиса»... Осталось политиканство... Общество раскололось».

В 1990 г. из «Саюдиса» демонстративно вышел другой его активный создатель философ Арвидас Юозайтис. Он заявил: «Я перешел в оппозицию, потому что с таким «Саюдисом» надо было бороться». Этот факт вынужден был признать в своих воспоминаниях Ландсбергис.

Противостояние в республике подогревалось противостоянием с Союзом, которое Верховный Совет под руководством Ландсбергиса сделал базовым

в своей политике. В апреле 1990 г. Ландсбергис спровоцировал так называемую “блокаду” Литвы. Называя СССР другим государством, глава Верховного Совета одновременно требовал от советского руководства обеспечивать республику энергоресурсами на прежних льготных условиях.

В ответ руководство СССР предложило возобновить действие Конституции СССР на территории республики. Ландсбергис категорически отказался. Как уже говорилось, 18 апреля 1990 г. в республику были ограничены промышленные поставки газа, нефти, нефтепродуктов и угля из Союза. Это Ландсбергис и его окружение расценили как “блокаду”.

Более подробно, что это была за блокада, расскажем ниже. В основном она коснулась экономики Литвы, которая базировалась на широких экономических связях с Союзом. В этот период авторитетнейший литовский экономист, депутат литовского парламента академик Эдуардас Вилкас в интервью газете “Эхо Литвы” заявил: *“У нас нет иного способа добиться независимости, как договориться о ней. Видимо, в ходе переговоров нас все-таки каким-то образом пытаются привязать к Союзу. Но, уверен, бояться этого не надо, ибо мы привязаны к нему самой природой... Лучше иметь с Союзом хорошие, дружественные отношения. А таковые возможны, если мы будем не только свои интересы отстаивать, но и попытаемся учесть интересы Союза”*.

Наконец поняв, что республика находится на грани экономического краха, Ландсбергис, после упомянутого визита в Москву, 29 июня 1990 г. обратился к Верховному Совету Литвы и предложил объявить 100-дневный мораторий на Акт независимости. В республику немедленно вновь в полном объеме стали поступать газ и нефть. Однако заявление о моратории оказалось просто ширмой. ВС продолжал прежнюю политику конфронтации с Москвой. Социально-экономическая ситуация, вследствие принятия законов, полностью игнорирующих действительность, также продолжала ухудшаться.

31 июля 1990 г. газета “Республика” напечатала “Обращение” 20 весьма уважаемых политических и общественных деятелей к людям Литвы. В Обращении констатировалось, что в Литве символами обретенной свободы стали *“корыто власти, денежные мешки, охота на ведьм и врагов, черный стяг хозяйственной и политической суматохи”*.

В “Обращении” высказывалось недовольство деятельностью Верховного Совета, который, увлекшись непоследовательным законотворчеством, *“мощью своей власти” мешал работе Правительства. В итоге предлагалось “избрать Сейм возрождения и доверить ему фундамент демократической Литвы”*. Это было фактическое объявление вотума недоверия Верховному Совету Литвы и его председателю В. Ландсбергису.

В ответ против подписантов Обращения развернулась самая настоящая психологическая война. В конце концов некоторых из них заставили публично отречься от своих подписей и покаяться. Бывший активный сторонник Ландсбергиса и бывший народный депутат СССР Казимирас Антанавичюс в газетной реплике *“Кому объявляете войну, господа?”* расставил точки над “і” в этой истории. *“Вернулись. Куда? В самые черные времена большевизма. Начнутся или не начнутся репрессии? Слава богу, что пока еще нет силы, которая могла бы всех непослушных придавить”*.

В. Петкявичюс в августе 1990 г. заявил, что *“Ландсбергис только несколько месяцев играет роль “Спасителя отечества”, однако его игра уже стоила литовскому народу свыше миллиарда рублей, пока не запахло окончательным экономическим крахом”*. Понимая, что единственным средством сохранить власть является манипуляция общественным сознанием, окружение Ландсбергиса с помощью СМИ в 1990 г. проводило настоящее зомбирование населения республики. Людей приучали к мысли – во всё виновата Москва, и жертвы в противостоянии с ней неизбежны.

Как правило, эффективным средством такого зомбирования были лживые сообщения. Так, в сентябре 1990 г. Центральное телевидение СССР предоставило телеэфир прокурору Литвы (независимой) Артурасу Паулаускасу. Он сообщил один из фактов “вопиющего беззакония”, которое якобы осуществили в Литве советские военные. Будто бы в Каунасе два офицера в сопровождении восьми солдат ворвались в чужую квартиру! Главу семейства, оторвав от жены и от детей, вывели в палисадник и расстреляли.

У любого услышавшего подобное, естественно, возникало чувство ненависти к советским “нелюдям” и желание наказать их. Однако, когда начали

разбираться, выяснилось следующее. Литовский юноша, дезертировавший из Советской Армии, нашел в Каунасе приют у женщины, хранившей дома большие ценности.

В течение несколько дней молодой человек сумел выяснить все тайники в квартире. И вот однажды женщина обнаружила пропажу “любимого” и ценностей, примерно на 10 тыс. руб. (стоимость двух “Жигулей”). Она заявила об этом в милицию. После задержания вора выяснилось, что он ещё и дезертир. Соответственно, его передали советским военным властям. Дезертира повезли на освидетельствование в Каунасский военный госпиталь. На обратном пути он попытался бежать. На предупредительный выстрел он не остановился. А следующий оказался смертельным.

Факт убийства человека имел место. Но как его преподнес телезрителям прокурор республики! После такого “промывания” мозгов в Литве можно было найти немало желающих надеть пояс шахида. Видимо, не случайно ночью 13 января некоторые боевики Буткявичюса имели при себе самодельные взрывные устройства, изготовить которые им помог бывший американский “зелёный берет” литовского происхождения Эндрю Эйве (он же Андриус Эйтавичюс).

Провокационные сообщения повышали градус противостояния в республике, но удержать вокруг Ландсбергиса его бывших соратников не могли. 10 октября 1990 г. бывшее интеллектуальное ядро “Саюдиса”: академики Э. Вилкас, В. Статулявичюс и философ Б. Гензьялис создали учредительное собрание Форума будущего Литвы (ФБЛ). В создании ФБЛ активное участие принимали премьер-министр Литвы К. Прунскене и депутат ВС Литвы известная литовская писательница В. Ясукайтите. В итоге ФБЛ стал альтернативой ландсбергистскому “Саюдису”.

Съезд земледельцев Литвы, состоявшийся 12–13 октября 1990 г., выразил недовольство политикой Верховного Совета. Земледельцы прямо говорили, что их не устраивает диктатура, которую установил Верховный Совет. Однако осенью 1990 г. литовское село ещё выждало. Команда Ландсбергиса прекрасно понимала, что Литва всегда была сильна земледельцами. От них во многом зависело, кто будет сидеть в зале Верховного Совета.

Недовольство в республике продолжало нарастать. 9 ноября 1990 г. в газете “Lietuvos aidas” (“Эхо Литвы”) появилось заявление партий и движений Литвы о грядущем кризисе. 4 декабря 1990 г. общее собрание Академии наук Литвы приняло заявление, в котором негативно оценило попытки ВС вновь внедрить командную систему в науке. В тот же день сотрудники Отдела внутренних дел Каунасского района приняли обращение по вопросам правовой и социальной защиты к Верховному Совету и Министру МВД Литвы. Дело дошло до того, что милиционеры запланировали поход к ВС. Конфликт с трудом уладили.

22 декабря ведущие экономисты обратились к ВС и правительству республики, заявив о критической ситуации в экономике. В тот же день депутаты трех уровней Литвы поддержали заявление экономистов и приняли заявление “Республика в опасности!”. В конце декабря 1990 г. Ландсбергис встретился с представителями интеллигенции Литвы, которые раскритиковали курс ВС и его главу.

На фоне роста всеобщего недовольства из здания ВС Литвы всё чаще стали раздаваться призывы к вооруженному сопротивлению “советской военной угрозе”. 18 ноября 1990 г. вице-премьер Р. Озолас в интервью газете “Gimtasis krastas” (“Родной край”) заявил о необходимости вооруженной борьбы с СССР. 24 ноября 1990 г. Ландсбергис, выступая по радио и телевидению, заявил о возможности применения военной силы со стороны СССР.

Та же газета “Gimtasis krastas” за 6–12 декабря 1990 г. опубликовала статью редактора Альгимантаса Чекуолиса “И силой и умом!”, в которой Литва призывалась дать вооруженный отпор СССР. В пример приводилась Финляндия, которая в войне с СССР в 1939–1940 гг. потеряла “всего” 70 тысяч чел., но осталась независимой.

Это зомбирование населения дало свои результаты. 6 января 1991 г. популярнейшая в тот период газета “Respublika” (“Республика”) опубликовала передовицу под названием “В виду развалин”, в которой ситуация в республике оценивалась как “состояние общественного психоза”.

К январю 1991 г. в Литве до предела обострилось размежевание. Но, тем не менее, рейтинг Верховного Совета оставался невысоким. В газете

“Lietuvos balsas” (“Голос Литвы”) от 30.12.90 – 06.01.91 г. были опубликованы итоги общественного опроса, проведенного в конце декабря 1990 г. Институтом философии, социологии и права АН Литвы. Согласно им 46% населения Литвы были разочарованы деятельностью ВС Литвы. Положительно оценивали эту деятельность лишь 31%.

Одним словом, власть явственно ускользала из рук Ландсбергиса. В этой связи он усиленно толкал республику к дьявольской январской провокации, которая должна была устранить с политического поля не только набравшую популярность премьершу Казимеру Прунсене, но и Компартию Литвы/КПСС (в дальнейшем КПЛ/КПСС). Как теперь стало ясно, реализации этого замысла Ландсбергиса активно содействовали Яковлев и Горбачев.

Ухудшающаяся экономическая ситуация заставила правительство Литвы пойти с 7 января 1991 г. на значительное повышение (в 3–6 раз) розничных цен. Этот шаг литовский премьер-министр К. Прунсене согласовала с Ландсбергисом. Однако, давая согласие на повышение цен, Ландсбергис приготовил “камень за пазухой”. Через двадцать лет он вновь бросил этот камень в Прунсене.

8 января 2011 г. в интервью РИА Новости Ландсбергис заявил, что “Верховный Совет в декабре запретил менять ценовую политику, пока граждане не обеспечены компенсациями”. Однако Ландсбергис умолчал, что именно он негласно подержал Прунсене в плане повышения цен, и именно он, игнорируя тревожную ситуацию, 8 января 1991 г. направил её в Москву на встречу с Горбачевым. По удивительному совпадению тогда же в ЦК КПСС под разными предлогами были вызваны первый секретарь ЦК КПЛ/КПСС Бурокявичюс, а также первый секретарь Вильнюсского горкома партии Лазутка. Я уже находился в Москве, готовясь к поездке во Францию.

7 января 1991 г. подконтрольный Ландсбергису Союз либералов Литвы отреагировал на повышение цен заявлением о том, что ВС и правительство республики окончательно утратили доверие трудящихся. Либералов поддержала Лига свободы Литвы (ультранационалистическая организация, поддерживавшая Ландсбергиса). Вечером 7 января Лига провела первый протестный митинг напротив здания ВС. В нем приняли участие ошеломленные новыми ценами покупатели, вышедшие из магазина “Таллин”, находившегося неподалёку (См. “Эхо Литвы” от 08.01.91).

Утром 8 января 1991 г в Вильнюсе площадь у здания Верховного Совета заполнили рабочие вильнюсского завода топливной аппаратуры, которых привела группа “Саюдиса”. К ним присоединились рабочие ряда предприятий союзного подчинения. Вскоре вся площадь была полна людьми, которые прибывали из разных районов Вильнюса. Митингующие пытались прорваться в здание ВС, чтобы высказать депутатам своё недовольство.

Здесь вновь следует обратиться к интервью Ландсбергиса РИА Новости. Ландсбергис, якобы забыв, что митинг протеста у ВС начали подконтрольные ему структуры, сегодня без тени смущения заявляет, что значительную часть митингующих у здания ВС 8 января 1991 г. составляли “молодые люди одного возраста, одинаково постриженные и в военных сапогах, хотя и в гражданской одежде. Они, вероятно, уже имели задание сместить парламент еще 8 января. Но у них ничего не вышло”. Надо полагать, что ещё лет через десять Ландсбергис “вспомнит”, что эти молодые люди, видимо, были вооружены “калашниковыми”, которые были скрыты под куртками!

Но, тем не менее, в организации митинга 8 января 1991 г. и попытках захвата здания ВС до сих пор обвиняют коммунистов. Можно не сомневаться, что если бы ЦК КПЛ/КПСС готовил акцию по захвату ВС, то она была бы успешной. Известно, что митингующих вытеснили из коридора ВС только потому, что в их действиях отсутствовала координация.

Протесты у здания Верховного Совета закончились, когда Ландсбергис лично пообещал митингующим, что цены будут возвращены. “Tetuisis” (“папашка”, как тогда в народе стали называть Ландсбергиса) в этой ситуации литовскими СМИ был представлен как защитник интересов простых людей, а Прунсене – как враг. В итоге правительство Прунсене ушло в отставку, а коммунисты (КПСС), как говорилось, были обвинены в попытках захвата здания ВС и свержения законной власти.

Но это был только первый акт задуманной Ландсбергисом провокации. Теперь наступила очередь действовать Горбачеву, который отдал приказ вве-

сти на территорию Литвы подразделения псковских десантников. Заметим, что Ландсбергису прекрасно были известны планы действий советских военных, вплоть до маршрутов, по которым двинется бронетехника на захват объектов в Вильнюсе.

Ясно, что если бы не неуклюжие действия советского руководства, то власть Ландсбергиса и его клики вряд ли продержалась до конца 1991 г. Протестные настроения в литовском обществе заставили бы ландсбергистский Верховный Совет уйти в отставку и назначить новые выборы. Однако Москва сделала всё, чтобы Ландсбергис оставался у власти.

Это была сознательная политика Горбачева, который хотел “отделаться” от слишком самостоятельных и неуправляемых сторонников Союза в Литве. Заодно надо было “приструнить” Ландсбергиса, который своими неадекватными действиями и заявлениями ставил под удар пораженческую политику Горбачева.

Напомним, что Горбачев на Мальте пообещал Бушу отпустить Прибалтику. В то же время он прекрасно понимал, что в Союзе найдутся силы, которые попытаются не позволить ему сделать этого. Поэтому в январе 1991 г. со стороны Москвы всё было сделано для того, чтобы компартия Литвы/КПСС была дискредитирована, а Горбачев оказался перед однозначным решением – Литву пора отпускать.

Иван, домой!

Видимо, не без согласия Кремля Ландсбергис и его окружение начали ещё в 1988 г. активно разыгрывать в республике карту межнациональной розни. Это была беспроигрышная тема, так как наличие в республике живого, осязаемого врага позволяло сплотить литовскую нацию вокруг лидера “Саюдиса”.

Первый пробный шар бросил редактор упомянутой газеты “Gimtasis krastas” Чекуолис. Летом 1988 г. в его газете появился текст листовки, якобы написанной русскими, с призывом “убивать литовцев”. Реакцию литовцев на такую листовку представить нетрудно. Но Чекуолис, в прошлом известный советский международник-интернационалист, и “ухом не повёл”.

А 12 августа 1988 г. этот, с позволения сказать, “журналист” на встрече с секретарем ЦК КПСС Александром Яковлевым заявил, что накануне русские ребята порезали литовского юношу только за то, что он носил значок “Саюдиса”. Уже после отъезда Яковлева выяснилось, что юношу ранили его же друзья. (См. “Советскую Литву”. 13.08.89). Но информация, озвученная Чекуолисом, была уже растиражирована в литовских СМИ и внесла лепту в разжигание межнациональной розни и желание “отомстить русским”.

Впоследствии в одном из интервью (См. “Вечерние новости”. 07.06.1989 г.) Чекуолис, рассуждая о проблемах иноязычных в Прибалтике, сослался на мнение некоего члена Политбюро. Якобы тот ему лично сказал: “Я знаю, какие люди покинули родные места и перебрались в Прибалтику”. Не вызывает сомнений, что это был Александр Яковлев.

Напомним, что после войны в Прибалтику и Литву шли не только эшелоны с оборудованием и строительными материалами, но и со специалистами, которые практически с нуля создали промышленность республики. Так, первую в Литве мощную Каунасскую гидроэлектростанцию строили посланцы из различных регионов СССР. Они ехали в Литву не по своей воле. Страна направляла в Прибалтику лучшие инженерные и строительные кадры. Их опыт и знания позволили в послевоенный период в кратчайшие сроки построить практически все крупные энергетические объекты и промышленные предприятия республики. Тем не менее, для Яковлева и Чекуолиса они были и остались “люмпенами-перекати-поле”. Вот так с помощью кремлевских деятелей вращивалась рознь и измена в Литве.

Межнациональные отношения в республике особенно обострились после принятия Президиумом Верховного Совета Литовской ССР Указа “Об употреблении государственного языка Литовской ССР”. 19 ноября 1988 г. в печати был обнародован достаточно толерантный проект этого Указа. Однако реальный Указ, принятый под давлением “Саюдиса” 25 января 1989 г., кардинально отличался от проекта.

Прежде всего, возмущение иноязычных вызвали нереальные (2 года) сроки перехода республики на литовский язык. Указ также не обеспечивал правовые гарантии функционирования других языков – русского и польского. Следует иметь в виду, что в таких городах, как Вильнюс, Клайпеда и Снечкус (в настоящее время Висагинис), русскоязычное население составляло 50%. На предприятиях союзного подчинения доля русскоязычного населения составляла более 80%. В Вильнюсском и Шальчининском районах русско- и польскоязычное население составляло 70–80%. Филологическая, методологическая и материальная база в этих районах республики для экстренного овладения литовским языком отсутствовала.

Уже через 7 месяцев, 13 августа 1989 г. председатель комиссии по национальным вопросам сейма А. Городецкис был вынужден признать, что: *“Закон об употреблении литовского языка... недостаточное внимание уделяет реально сложившейся ситуации в разных регионах Литвы. Для Снечкуса, к примеру, можно было увеличить срок для овладения языком... Воплощение закона идет трудно... Но виноват в этом не “Саюдис”, а правительство”*. Однако перед этим почти год иноязычные в Литве обвинялись в элементарном нежелании учить литовский язык.

Ситуацию в республике усугубляла антисоветская и антирусская пропаганда, которую, начиная с конца 1988 г., вели литовские СМИ, подконтрольные “Саюдису”. Карикатуры, оскорбительные статьи в адрес иноязычных регулярно появлялись в газетах и листовках. Призывы *“Иван, домой!”* стали повсеместным атрибутом митингов “саюдистов”.

На одном из митингов в июле 1989 г. в Каунасе прозвучал призыв: *“Вспарывайте животы беременным женам офицеров, чтобы не рожали оккупантов!”*. Дело получило такую огласку, что властям пришлось по республиканскому радио сделать попытку “сгладить” ситуацию. Но виновные в оглашении этого призыва так и не понесли наказания. Видимо, поэтому плакаты с такими надписями вскоре появились на митингах националистов и в Вильнюсе.

Участились нападения на военнослужащих и членов их семей. В больницах им отказывали в помощи. Напомним, что в этот период произошли страшные межнациональные погромы в Сумгаите, Оше и Баку, которые стоили жизни сотням людей.

Процесс ускоренной “литуанизации”, которую насаждал в Литве Ландсбергис, вызывал протесты иноязычного населения. В 1990 г. в Вильнюсском крае ещё были живы свидетели сметоновской “литуанизации”, которую литовские власти осуществили после того, как Вильнюс и его окрестности были переданы Советским Союзом Литовской Республике. Согласно польской переписи 1931 года, литовцы тогда в Вильнюсе составляли всего лишь 1,6 тысячи человек, или 0,8% (!) из 195 тысяч виленцев. 50% населения Вильнюса составляли поляки и более 40% евреи. Естественно, ускоренная “литуанизация” оказалась для населения Вильнюсского края в 1939–1940 гг. весьма болезненной.

Вот как её описывала в своих репортажах и в книге “Новая Литва” американская журналистка Анна Луиза Стронг. *“Когда Красная Армия впервые вошла в Вильнюс 19 сентября 1939 года, простой народ встретил её восторженно. Через 6 недель она ушла, и Вильнюс был передан Литве. Сразу же сметоновское правительство устроило один из самых страшных в истории Вильнюса погромов, преследуя под маской “евреев” всех, кто проявлял симпатию по отношению к Красной Армии. Около 20 тысяч вильнюсских рабочих, главным образом евреев, ещё до погрома ушли с Красной Армией в СССР...*

Получив Вильнюс, сметоновское правительство возродило в городе литовский национализм, столь же крайний и деспотичный, как и польский. Никто не мог получить гражданских прав, а также права на работу, если не мог доказать, что жил в Вильнюсе до захвата его поляками в 1920 г. Повсюду господствовал бюрократизм, требовалось столько документов, что из 250 тысяч человек, живших в городе, лишь 30 тысяч смогли получить гражданские права. Гражданство можно было купить за взятку, на которую у многих еврейских семей не было денег.

Служащие Сметоны разговаривали с посетителями только на литовском языке, на котором большинство населения Вильнюса не говорило. Школьные учителя должны были сдать экзамен по литовскому языку, в противном случае они лишались работы. Поляки увольнялись не только с государственных

должностей, но даже в костёлах польские ксендзы были заменены литовскими. Город голода и безработицы, полный давней национальной вражды, где власти отказывались говорить на языке, понятном народу. Таким был Вильнюс, в который в 1940 году второй раз вошла Красная Армия”.

Практика внедрения в жизнь в 1990 г. основных положений Указа “Об употреблении государственного языка Литовской ССР” до боли напомнила местным полякам и русским “литуанизацию” Вильнюсского края по-сметоновски. Только на этот раз по-ландсбергистски.

Иноязычное население Литвы испытывало недоверие к политике ВС Литвы также и потому, что многие помнили страшные расправы над совпарработниками и евреями, которые литовские националисты учинили летом и осенью 1941 г. Тогда они с благословения немецких оккупационных властей за полгода сумели уничтожить свыше 200 тысяч проживавших в Литве евреев (более 90%). Единственной виной последних было то, что многие из них в 1940 г. приняли советскую власть и активно работали в партийных и советских органах управления.

О том, как свирепствовали отряды литовских националистов в первые дни Великой Отечественной войны, написали американские журналисты Б. Франкл и Б. Д. Кукс в газете “Los Angeles Times” от 29 апреля 1990 г. “Когда 23 июня 1941 г. Красная армия оставила Каунас (бывшую столицу Литвы), партизаны Литвы под руководством народного героя Климайтиса начали в массовом порядке истреблять евреев, жечь их дома и синагоги.

С 25 по 29 июня литовские националисты убили 5000 евреев (3800 в Каунасе и 1200 в других городах). Убийства совершались примитивно, но эффективно – сотни еврейских мужчин, женщин и детей были схвачены и палками забиты на каунасских улицах и площадях, в присутствии и с одобрения прохожих. 28 июня литовская полиция, проявляя нетерпение из-за медлительности убийств, выпустила заключенных, дала им железные ломы в руки и послала в города Литвы истреблять евреев. Тех, которых не убили публично или смертельно не замучили, партизаны Литвы расстреляли подальше от городов”.

Один из руководителей СС в Литве Карл Егер сообщал в Берлин о том, что “благодаря литовским партизанам столица Литвы превратилась в “рай для стрельбы”. В документах, направляемых в Берлин, нацисты выражали восхищение литовской “акцией самоочищения” от представителей низших рас.

В послевоенные годы русские в некоторых районах Литвы нередко слышали в свой адрес выражение: “Белые евреи!”. Подтекст этого выражения был более чем ясен, особенно если напомнить, что в это время ходили слухи о том, что вскоре Америка начнёт войну против СССР, а тогда настанет время, когда можно будет расчитаться с новыми “белыми” евреями.

Однако в советской Литве, как и в современной, тема участия литовцев в массовых расправах над евреями в 1941 г., замалчивалась. Под небольшим городком Утена в Литве, где прошли мое детство и юность, было захоронение нескольких тысяч расстрелянных осенью 1941 г. евреев. В 1957 г. я испытал настоящий шок, когда на впервые отмечаемой годовщине этого расстрела сумевшие выжить жертвы этого злодеяния назвали настоящих виновников – литовских националистов.

До этого выступавший на митинге председатель райисполкома говорил, что в этом повинны немецко-фашистские захватчики. Эта версия тогда была общепринятой. Дома, во дворе, старшие соседские ребята, помнившие немецкую оккупацию, рассказали, как националисты колоннами гнали евреев в лес на расстрел Реше. Даже показали, кто из “расстрельщиков” где жил.

Поляки и русские, издавна жившие в Литве, хорошо помнили страшные лето и осень 1941 г. Естественно, у них вызывало тревогу то, что отец лидера “Саюдиса” Витаутаса Ландсбергиса архитектор Витаутас Ландсбергис-Жямкальнис был причастен к расправе над евреями. В июне 1941 г. года он как член Временного правительства Шкирпы – Амбразявичюса подписал благодарственное письмо Гитлеру, в пункте 3 которого давалось идеологическое и правовое обоснование расправы над евреями и работниками партийного и советского аппарата.

Звучало оно так: “Национализированное еврейское богатство и национализируемое богатство, ранее принадлежавшее лицам, активно действующим против литовского народа, остается собственностью литовского государства”.

Судьба людей в этом пункте не упоминалась, так как было и так ясно, что они должны исчезнуть. Это было идеологическое и правовое обоснование варварского истребления проживавших на территории Литвы людей, сотрудничавших с советской властью. В результате литовские националисты, единственные в мире, «решили» в Литве «еврейский вопрос» по рецептам Гитлера, хотя по нацистской расовой теории сами попадали в разряд неполноценных наций.

Необходимо отметить, что в современной Литве хоть и признают геноцид евреев в 1941 г., но утверждают, что это дело рук «горсточка или группы» литовцев, которые «участвовали в убийствах самостоятельно». Но факты говорят о целенаправленном, организованном уничтожении евреев с ведома и по указанию Временного правительства Литвы. Это подтверждает вышеупомянутое письмо Гитлеру. Не секрет, что период существования этого правительства трактуется некоторыми литовскими политиками как восстановление независимого литовского государства в 1941 году.

Участники так называемого июньского (1941 г.) восстания против «советской оккупации» объявлены в современной Литве национальными героями, в том числе и те, кто участвовал в расправах над мирным населением. Ну, а вину за расправу над евреями перекалывают на немецкие оккупационные власти.

Однако ещё раз повторим, что геноцид в Литве осуществлялся с ведома и по распоряжению Временного правительства Шкирпы – Амбразявичюса, которое до 5 августа 1941 г. обладало достаточно реальной властью, чтобы организовать расправу над евреями и коммунистами. За период своего существования оно сумело принять около 100 распоряжений, в том числе касающихся расправ над советскими людьми. Это факт, который Литве следует признать, дабы он не повторился.

В сентябре 2000 г. Ландсбергис, будучи главой сейма Литвы, пытался настоять на том, чтобы сейм принял закон о признании правительства Шкирпы – Амбразявичюса законным. И только массовые протесты литовской общественности и опасение, что в этом случае ответственность за геноцид евреев ляжет на Литовское государство, удержало депутатов от этого шага.

Взамен этого в Литве стал насаждаться миф о том, что антисемитизм в принципе чужд литовцам. Это якобы «пережиток советскости». 25 августа 2010 г. помощник премьер-министра Литвы Виргиниус Валентинавичюс заявил, что «антисемитизм родился в царской России и продолжался в Советском Союзе». Мнение советника литовского премьера было растиражировано пресс-службой правительства Литвы. Одним словом, хоть плачь, хоть смеяться, но с больной головы переложили на здоровую. (См. <http://www.regnum.ru/news/polit/1319209.html#ixzz0xsrS44fp>.)

Но как в таком случае следует понимать следующие факты? 11 марта 2008 г., в день провозглашения независимости Литвы, по центральному проспекту литовской столицы промаршировала колонна «бригоголовых», скандируя следующие лозунги. На литовском языке они звучали бодро в рифму, как считалки: «Один с половиной, два с половиной, красивая Литва без русского!», «Возьмите, дети, палку и убейте этого жидёнка!» Колонну этих «ультрапатриотов» сопровождала полиция. Но действий никаких не предприняла.

Последовавший затем суд оправдал маршировавших по Вильнюсу неонацистов и расистов, не усмотрев в их действиях нарушения статьи о разжигании национальной розни. Более того, спустя год городские власти разрешили литовским нацистам вновь маршировать по центральной улице столицы. По этому поводу популярный портал Balsas.lt разместил статью «11 марта 2009 г. – похороны литовской демократии».

Авторы, скрывшиеся под криптонимами Кастор и Поллукс, убеждены, что литовский неонацизм породила идея «национального государства», выдвинутая в 1988 г. лидерами «Саюдиса». Особо авторы отметили прямую связь нынешних литовских властей с тактикой поведения властей в гитлеровской Германии. В условиях кризиса опора на «радикалов» всегда была средством укрепления влияния любой власти. По этому поводу немецкий философ Карл Шмит в начале прошлого столетия создал теорию. Она предельно проста: во время разгула кризиса только «ультрапатриоты» способны укротить самоволие нежелательных элементов и защитить государственность. (См. www.regnum.ru/news/1136422.htm.)

Подобные вещи, отдающие нацизмом, в Литве пытаются представить как частности, присущие не только литовскому обществу. Можно было бы согласиться. Но 14 июня этого года ИА REGNUM опубликовало текст стремительно набирающей в Литве популярность песни “Шальчининкайский район” (<http://www.regnum.ru/news/1416504.html>). Её исполняет литовская вокальная группа “Диктатура”. *Примечание: Шальчининкайский район – это место компактного проживания литовских поляков неподалеку от Вильнюса.*

Песня “Шальчининкайский район” представляет собой провокационное, оскорбительное, разжигающее межнациональную рознь и призывающее к физическому насилию в отношении других национальных групп произведение. В припеве этой песни говорится: **“Поляки все уже повешены, зарезанные русские валяются под забором, евреи уже горят в печи, только настоящие литовцы все живы”**.

В тексте песни звучит прямой призыв расправляться не только с поляками и евреями, но и русскими: **“Время навести порядок в Вильнюсе, высоко поднять железную руку, время для решающего боя с русскими, два варианта – и станешь свободным. Сами недовольны, так почему их не убиваете? ... Наконец, погибнут тысячи русских, И Вильнюс снова будет только нашим”**. С оригинальным текстом этого человеконенавистнического произведения можно ознакомиться на <http://ru.delfi.lt/news/live/gruppu-diktatura-zhdet-prokuratura-za-pesnyu-o-polyakah-russskih-i-evreyah.d?id=46698099>.

Уже сам факт появления такой песни, как и упомянутых “считалочек”, свидетельствует, что в литовском обществе далеко не всё так благополучно, как пытаются уверить литовские власти. Напомним также, что литовское правосудие в лице Клайпедского суда в мае 2010 г. признало свастику не символом нацистской Германии, а историческим наследием культуры балтов, который позднее присвоили и использовали другие народы. Объяснение более чем сомнительное, так как оно игнорирует главный аспект проблемы – с какой целью используется тот или иной символ. Известно, что “красную звезду” в Литве категорически запрещается публично демонстрировать вне зависимости от повода этой демонстрации.

Настораживает то, что в вылазках литовских неонацистов прослеживается некая система: марши, считалочки, свастика, расистские песни и призывы... Видимо, посеянные “Саюдисом” семена межнациональной розни постоянно дают новые ростки. Но чем это может закончиться? Новым 1926 годом? Тогда к власти пришёл фашиствующий диктатор Антанас Сметона. А сейчас? Не случайно депутаты сейма Ярослав Наркевич и Эмануэлис Зингерис обратились в Генеральную прокуратуру Литвы по поводу вышеназванной песни. Видимо, надлежащая оценка этому произведению будет дана.

Но следует иметь виду, что защитники песни “Шальчининкайский район” уверяют, что это совершенно безобидное произведение “юмористического характера”, не имеющее ничего общего с разжиганием межнациональной розни. Это утверждение уже похоже на параноидальный бред. Но оно имеет место быть. Основу для этого заложила политика Витаутаса Ландсбергиса-младшего, который в 1990–1991 гг. не прочь был повторить “подвиги” отца.

На III съезде “Саюдиса” интеллигентный на вид музыковед без тени смущения предложил – а не поставить ли к стенке всех 200 тысяч коммунистов Литвы? Тогда в республке и “наступит порядок”. После того, как это предложение приняли в “штыки”, профессор Ландсбергис попытался всё перевести в неудачную шутку.

К сожалению, подобные “шутки” с 1989 г. регулярно появлялись в различных литовских печатных изданиях. Так, журнал “Pergale” (“Победа”) в №№ 5–6 за 1989 г. опубликовал “метафизический дневник” Р. Озоласа под названием “Понятия”. Процитируем некоторые выдержки из этого дневника.

В дневнике Озолас характеризовал русскую культуру и искусство как “ужас, жуть”. Якобы Запад и Восток это понимают и интересуются русским искусством, “как интересуются танцем или пением гориллы”. Писателя Юлиана Семенова, прославляющего советских разведчиков, Озолас удостоил эпитета “омерзительный”. В качестве национальных черт русского характера Озолас отметил: “тупоумие, лень, близорукость, равнодушие... Русскому работать было хуже смерти... Русский всегда любил жить не по средствам... Русский всегда был почитатель силы: кулак ему всегда был лучшим аргументом”.

Не отставала в пропаганде русофобии и популярная “Комжаунимо тиеса” (“Комсомольская правда”). В 1989 г. она опубликовала серию кратких репортажей, в которых персонажи, говорящие по-русски, обвинялись в невежестве, хамстве и хулиганстве (25.04.89 и 21.09.89). В статье “Пустим ли мы... Федорова?”, опубликованной там же (29.03.89), речь шла о создании в республике филиала глазного центра Святослава Фёдорова. И ставился недвусмысленный вопрос, а не вызовет ли этот филиал “русскую инвазию”?

В № 31 от 14 февраля 1989 г. “Комжаунимо тиеса” опубликовала заявление писателей А. Бернотаса, Ю. Глинскиса, Э. Игнатавичюса, И. Юшкайтиса, Р. Ланкайтиса, С. Шальтяниса под названием “Когда мы будем хозяевами в собственном доме?”. В ней иноязычные, якобы приехавшие в Литву за лучшей жизнью, обвинялись в том, что “не собираются учить литовский язык хотя немного, сколько способности позволяют”. Особо в заявлении подчеркивалось, что на митингах протеста литовцы якобы видят только “хмурые угрюмые лица” и слышат “заносчивые, супердемагогичные высказывания разъяренных ораторов”.

В № 1 (6 января) 1989 г. газета “Возрождение” опубликовала статью “Не много ли в Литве литовцев?”, в которой утверждалось, что якобы существует негласное указание Москвы о том, чтобы в “столице союзной республики доля местных жителей (аборигенов) не превышала 40%, а по всей республике – 60%”.

Газета “Literatura ir menas” (“Литература и искусство”) в 1989 г. стала специализироваться на тиражировании злобных карикатур на русских. 11 февраля 1989 г. в газете опубликована карикатура, на которой изображены две группы “проходимцев” с огромными ложками и бутылкой водки, алчно смотрящих на карту Литвы. Один из них по-русски кричит: “Всё общее! Всем хватит!”. Намек предельно ясен. 14 февраля того же года появляется следующая карикатура. Огромный детина рвет в клочья учебник литовского языка, который ему дала маленькая литовская девочка. А сбоку какой-то “дяденька” говорит девочке: “Не сердь братишку!”.

22 апреля 1989 г., после тбилисских событий появилась новая карикатура. Советский солдат предлагает литовским папе и девочке саперную лопатку. Надпись литовскими буквами, но по-русски: “Могу одолжить лопатку...”.

12 мая 1989 г. издание Совета сейма “Саюдиса” “Известия “Саюдиса” № 85 опубликовало стихотворение “Плюрализм “братских мнений”. Это издание находилось под личным контролем Ландсбергиса. И вот в нем появляются 6 строф чуть ли не площадной брани в адрес русских.

По мнению автора стихотворения, русские – это “короли воблы”, откормленные на литовских хлебах. Они “паразиты, свиное рыло”. Русский “глупый раб своего второго конца, бессовестный, с кровавой мордой”. Он “никто”, у него “навозные губы”, он “собака паршивая, тимуровец. Нет у него ничего святого, воровать и пьянствовать не стыдится”. А далее русскому даётся характеристика: “Негодяй! Ротозей-отступник! Ненавидит тебя вся Европа! Ты вошь на теле всей земли, ты заплата на штанах сталинизма”. Стишок подписан “Совесть народа”. Явно прослеживается аналогия с песней “Шальчининкайский район”, о которой мы говорили. Так 23 года назад “Саюдис” посеял в Литве ядовитые семена национальной вражды, которые плодоносят до сих пор.

Тогда эти мерзкие карикатуры, призывы, стихи, статьи ни разу не были осуждены ни властями, ни представителями “Саюдиса”. Зато 12 августа 1989 г. от имени различных обществ различных национальных диаспор и за подписью народных депутатов СССР от “Саюдиса” было принято “Заявление о национальном согласии”, в котором на все лады склонялись понятия “взаимоуважение” и “толерантность”, которых якобы не хватает иноязычным.

К осени 1989 г. обострилось противостояние в рядах компартии Литвы. Начало этому противостоянию положил визит в Литву (август 1988 г.) секретаря ЦК КПСС Александра Яковлева. 12 августа на встрече с активом республики в Вильнюсе, где присутствовали и представители “Саюдиса”, Яковлев заявил: “В СССР не было социализма, а тот, кто не поддерживает перемены в обществе, должен уйти”. После этого заявления “Саюдис”, положение которого до этого было весьма неопределенным, почувствовал, что имеет союзников в ЦК КПСС.

Помимо идейно-теоретического обоснования места “Саюдиса” в политической системе советской Литвы, Яковлев поддержал создание групп “саюди-

стов” в райкомах партии. Это было равносильно тому, что в партии легально образовалась и действовала фракция с национальной идеологией. Вскоре “саюдисты” в большинстве партийных аппаратов подавили “оппозицию” и взяли райкомы под свой контроль.

В 1989 г. борьба с противниками независимой компартии Литвы вышла за пределы райкомов. Теперь они объявлялись “врагами литовской нации”. Одним из таких врагов был объявлен первый секретарь Октябрьского райкома партии г. Вильнюса Владислав Швед. Ранее уже говорилось о моей позиции и моих выступлениях. Добавлю лишь следующее. До 1989 г. я в основном занимался партийно-хозяйственной деятельностью. Это было естественно, так как в Октябрьском районе города Вильнюса было сосредоточено 10% промышленного и 20% строительного потенциала республики. И хотя я был политическим руководителем, экономика района была главной моей заботой.

Однако в августе 1989 г. я публично заявил, что выступаю за Литву в составе СССР и не вижу Компартию Литвы вне КПСС. Это был мой ответ на явно этнократический крен в политике “Саюдиса”. В итоге литовская пресса и телевидение подвергли меня травле. Дело дошло до того, что вопрос о моей позиции стал предметом рассмотрения на бюро Вильнюсского Горкома партии. Но тогда среди членов бюро возобладал трезвый разум и бюро ограничилось лишь обсуждением вопроса. Однако это не прекратило нападки на меня в прессе.

Но чем больше журналисты склоняли мою фамилию, тем больше проявлялось сторонников моей позиции. В итоге Октябрьский райком партии стал своеобразным центром сторонников СССР в республике, а я с головой ушёл в политику. Другим таким центром в то время являлся Совет партийных комитетов, возглавляемый секретарём партийной организации одного из вильнюсских научно-исследовательских институтов Владимиром Антоновым.

К сожалению, внятных и конструктивных шагов по стабилизации ситуации в республике Москва так и не смогла предложить. В итоге к декабрю 1989 г. в абсолютном большинстве райкомов Компартии Литвы возобладало мнение, что только выход из КПСС позволит поднять авторитет литовских коммунистов. 19 декабря 1989 г. XX съезд Компартии Литвы большинством голосов делегатов принял решение о выходе из КПСС. Однако 160 делегатов высказались за КПСС. Именно они стали организующим ядром Компартии Литвы/КПСС.

Форсированная “литуанизация”, усиленно навязываемая республике Ландсбергисом и его окружением, привела к росту межнационального противостояния. Его постоянно подогревали структуры, подконтрольные Ландсбергису. Так, 9 ноября 1990 г. “Лига свободы Литвы” и “Яунони Летува” провели митинг под лозунгом *“Пусть горит земля под ногами русских оккупантов!”*.

В итоге русскоязычные стали уезжать из Литвы. К декабрю 1990 г. количество желающих уехать, по данным Гражданского комитета, достигло 40 тысяч человек. В этой связи следует сказать о позиции некоторых российских политиков, которые фактически поддерживали русофобские настроения литовских властей.

Напомним, что 15 августа 1990 г. Литву с официальным визитом посетил Председатель Совета Министров РСФСР Иван Силаев. Несмотря на все попытки представителей русскоязычных организаций встретиться с Силаевым, он так и не снизошёл до этого. Представители Социалистической федерации трудящихся Литвы сумели вручить Силаеву “Прошение о предоставлении политического убежища” от имени десяти тысяч русских семей, проживающих в Литве, только перегородив путь кортежу автомобилей, в которых ехала российская делегация. Сегодня Силаев, как известно, позиционирует себя как патриот России.

Дело дошло до того, что на IV съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990 г.) командующий Балтийским флотом адмирал В. Иванов заявил, что *“экстремистские элементы создают предпосылки к тому, что военнослужащие в определенный момент могут применить оружие для защиты своих семей, для защиты своих детей”*.

Чувствуя опасность ситуации, 5 декабря 1990 г. в Верховном Совете Литвы выступил депутат Б. Гензялис, один из наиболее последовательных сто-

ронников независимости. Он отметил, что в обострении межнациональных отношений во многом виноват Верховный Совет и его руководство.

В ответ 15 декабря 1990 г. Учредительный съезд Ассоциации всеобщих прав человека принял решения, по которым все приехавшие после 1940 г. и их потомки объявлялись колонизаторами.

Но подлинная вакханалия оскорблений, лжи и провокаций разыгралась накануне январских событий. 10 января 1991 г. Горбачев направил очередное Обращение к Верховному Совету Литвы с требованием восстановить на территории республики действие Конституции СССР и Конституции Литовской ССР. В ответ Ландсбергис назвал обращение президента СССР “ультиматумом” и заявил, что Горбачев обратился якобы к “*несуществующей Литовской ССР, и Литовская республика отвергает все его обвинения*”. Далее события развивались стремительно.

11 января 1991 г. псковские десантники взяли под охрану республиканский газетный комплекс (Дом печати), продукция которого способствовала разжиганию антисоветских настроений и межнациональной розни в республике. Формально всё правильно. Но возникает ряд вопросов. Почему Дом печати не был взят под охрану в марте 1990 г., когда под охрану брали здания Вильнюсского горкома партии и ЦК Компартии Литвы, которые компартия А. Бразаускаса отказалась разделить с КПЛ/КПСС? Почему надо было ждать до января 1991 г., когда на защиту Дома печати собрались тысячи вильнюсцев? Ведь Совет Министров СССР ещё 28 марта 1990 г. принял постановление “О мерах по защите собственности КПСС на территории Литовской ССР”.

Заместитель Председателя Верховного Совета республики Казимерас Мотека заявил, что Литва находится в состоянии войны с Советским Союзом. Он призвал граждан Литвы к активной защите республики. Республиканское радио и телевидение резко усилили нагнетание напряженности, круглосуточно призывая население к вооруженной борьбе с “*оккупантами, русскими захватчиками*”, так как в Литве, якобы “*идут боевые действия и Литва находится в состоянии войны с СССР*”.

До этого, вечером 10 января тот же Мотека озвучил очередную ложь. Он заявил, что в программе “*Время*” (союзное ТВ) было объявлено, что на пост премьер-министра Литвы руководство СССР якобы планирует назначить Бурюквичюса или Шведа. Это вызвало новую волну возмущения в республике. Потом выяснилось, что и это заявление было ложным.

12 января 1991 г. парламент республики объявил СССР агрессором и поручил Президиуму Верховного Совета и правительству образовать “*временное руководство обороной Литовской республики*”.

Вот с таким общественно-политическим настроением республика подошла к 13 января 1991 г. Возникает вопрос, а нельзя ли было обойтись в 1990–1991 гг. без конфронтации и избежать январских жертв. Не вызывает сомнений, что подобный исход был вполне реален.

Это хорошо поняла Латвия, и 4 мая 1990 г. сессия Верховного Совета Латвии приняла Декларацию о восстановлении (поэтапном) независимости республики. Крайне спокойно и осмотрительно вела себя Эстония. Это позволило ей без жертв и особых проблем дожидаться полной независимости в сентябре 1991 г.

Однако Верховный Совет Литвы под руководством Ландсбергиса упорно толкал республику к кровавой развязке. И она последовала январской ночью 1991 г.

Январская ночь

Анализируя силовую акцию у вильнюсской телебашни, организованную КГБ СССР и советским генералитетом, невольно приходишь к выводу, что она не столько преступна, как утверждает литовская сторона, сколько абсурдна. Известно, как тщательно КГБ СССР планировал свои операции. Создается впечатление, что к январю 1991 г. в КГБ перевелись специалисты. В результате “*Альфа*” и десантники, как бычки на веревочке, двинулись к месту заклания, которым стала телебашня. Что это – глупость или чей-то коварный расчет? Всё говорит о втором.

Заметим, что литовское радио и телевидение провокационные призывы транслировало с осени 1990 г. Ждать до 13 января 1991 г., когда Ландсбергис собрал на защиту телебашни тысячи людей, было просто преступно.

Следует также напомнить, что ночью 13 января колонна армейской бронетехники подошла к телебашне тогда, когда та уже почти час была под контролем группы “Альфа”. Известно, что основной задачей этой колонны было отеснить людей и обеспечить проход “альфовцев” в телебашню. Однако после того, как “альфовцы” сделали своё дело, эта задача утратила смысл. Но, тем не менее, команда на возврат бронетехники в Северный городок (место дислокации) так и не последовала. Кому-то в Москве понадобилось “шоу” с шумом и громом, с холостыми выстрелами танков и сплющиванием легковых машин. Кому?

Надо иметь в виду, что это была третья силовая акция, которую проводили Советская Армия и Комитет госбезопасности. Первые две, в апреле 1989 г. в Тбилиси и в январе 1990 г. в Баку, в общественно-пропагандистском плане закончились полным фиаско для руководства армии и КГБ. В Тбилиси десантники были ложно обвинены в применении саперных лопаток против мирных демонстрантов. А в Азербайджане действия советских военнослужащих характеризовались местной прессой как бандитизм. Все эти обвинения можно было бы легко опровергнуть, если бы события фиксировались военными корреспондентами с помощью видеокамер.

Вызывает удивление, что руководство КГБ и армии, планируя силовую акцию в Вильнюсе, вновь не обеспечило присутствия в районе телебашни нескольких своих видеооператоров. В итоге опять получился не просто информационный конфуз, а несусветная глупость, которую представили как преступление советских десантников и спецназовцев. Кстати, аналогичная ситуация сложилась и в недавнее время – в первые дни агрессии Грузии против Южной Осетии, когда мировые СМИ представили Россию агрессором.

В целом же необходимость силовой акции в Вильнюсе в январе 1991 г. вызывает большие сомнения. Проблему можно было решить другим путем. Это наглядно показала ситуация 19 августа 1991 г. Тогда в первой половине дня после заявления ГКЧП у ландсбергистов началась подлинная паника. Депутаты Верховного Совета Литвы предпочли затаиться. Работникам аппарата ВС выдали на руки трудовые книжки и трехмесячную зарплату. Представители силовых структур сняли национальные знаки различия, а мне постоянно звонили бывшие “соратники” по литовской компартии и спрашивали, не планируются ли их аресты. Ландсбергис с дрожью в голосе звонил Г. Янаеву в Москву и спрашивал, что будет предпринято в отношении Литвы. То есть для наведения порядка в Литве Кремлю достаточно было реально повысить голос.

В январе 1991 г. проблему с литовским подстрекательским радио- и телевидением можно было решить и путем прекращения подачи электроэнергии на передающие устройства телебашни. Специалисты из “Альфы” сделали бы это тихо и незаметно в течение получаса. В этой связи недоумение вызывает и такой момент. Как известно, захват вильнюсской телебашни не лишил “саюдистов” радио и телевидения. Эту роль стал выполнять каунасский радиотелецентр. Почему же одновременно не взяли под контроль и его? Получается, что разработчики акции либо были дилетантами, либо ничего, кроме провокации, они не планировали.

Ответ приходит, если признать, что акцию у телебашни совместно организовало окружение Горбачева и Ландсбергиса. Не случайно известный литовский писатель и общественный деятель Витаутас Петкявичюс в интервью (“Обзор” 14.10.2002 г.) подчеркнул, что январская провокация у вильнюсской телебашни “была подготовлена с обеих сторон: М. Горбачевым и В. Ландсбергисом при участии руководителя КГБ Э. Эйсмунтаса и А. Буткявичюса”.

В целом анализ ситуации январской ночи 1991 г. оставляет странное впечатление какого-то абсурдного сценария плохого кинофильма. В итоге литовские и российские СМИ вот уже двадцать лет тиражируют “достоверные подробности”, как в январе 1991 г. у вильнюсской телебашни спецназовцы КГБ из группы “Альфа” и советские десантники из автоматов в упор расстреливали безоружных людей, а танки давили их.

Необходимо отметить, что литовские прокуроры сознательно искажают ситуацию, имевшую место у телебашни в ночь на 13 января 1991 г. По их

утверждениям, башню одновременно штурмовали и убивали мирных защитников псковские десантники, солдаты вильнюсской 107-й мотострелковой дивизии, солдаты внутренних войск СССР, а также бойцы группы "А" и дружинники. Это позволяет им огульно предъявлять обвинение всем советским военнослужащим и так называемым дружинникам.

На самом деле, и об этом уже говорилось, группа "А" осуществила захват телебашни без поддержки бронетехники и десантников с использованием только приемов рукопашного боя и имитационных светозумовых гранат. Они вводят людей в шоковое состояние, не причиняя особого вреда здоровью. Армейская колонна с бронетехникой и десантниками появилась лишь через 40 минут.

Так называемые специально подготовленные дружинники, а на самом деле обычные партийные активисты, такие как Илья Бутримович, прибыли к башне спустя два часа после колонны с бронетехникой. Это в корне меняет картину штурма башни. Десантникам и дружинникам не было необходимости повторно брать телебашню и вести огонь на поражение. Они, оказавшись в толпе, окружавшей башню, были вынуждены лишь отбиваться от специально подготовленных боевиков Буткявичюса.

Известно, что из телебашни группа "Альфа" выбиралась под прицельным огнем, который велся с крыш соседних с башней домов. Для прикрытия выхода из башни "альфовцам" пришлось даже вызвать три бронетранспортера. Это зафиксированный факт.

Добавим, что в материалах уголовного "дела профессоров" (том № 298, лл. 64–67) представлены материалы радиоперехвата переговоров советских военных ночью 13 января 1991 г. Из них явствует, что по военным велась стрельба из огнестрельного оружия, причём стрелки находились как внутри занимаемых зданий, так и снаружи, на крышах близлежащих жилых домов. Факты обстрела советских военных подтверждали и очевидцы, давая показания литовской прокуратуре. Однако эти свидетельства литовским следствием и судом были проигнорированы.

О том, что события у телебашни изначально преподносились литовской стороной в искаженном виде, свидетельствует сообщение так называемого литовского пограничника из Армии охраны края Еугениуса Шепетиса Верховному Совету Литвы. Оно было сделано 13 января примерно в 4 часа 15 минут утра. (Перевод мой с текста стенограммы 92-го заседания ВС Литвы 13 января 1991 г. – **В. Ш.**).

Итак, докладывает Еугениус Шепетис, сотрудник отдела охраны границы: *"Охраняем телевизионную башню... Первая штурмовая группа (надо полагать, группа "А". – **В. Ш.**) была вооружена автоматами и ножами, кинжалами на автоматах. Они прорвались через людей, бросились внутрь, напали на наших защитников заграждения. Всех других бронемашин, под стрельбу других военных, оттолкнули от башни дальше, пока не вытолкали за забор.*

В начале, как я понял, стрельба велась холостыми патронами, потом, и это могу засвидетельствовать, началась стрельба боевыми патронами, трассирующими пулями.

... Погибшие есть, думаю, немало. К сожалению, у меня не было времени считать. Сам я видел только одного погибшего. Но мы последнего вывезли из башни. Там тогда уже было много погибших и раненых..."

Заявление Шепетиса лишь на первый взгляд выглядит правдоподобно. Но, как говорится, "дьявол кроется в деталях". А вот с деталями Шепетис напутал. Не учел этого и психолог Буткявичюс, который, без сомнения, инструктировал Шепетиса перед его выступлением в Верховном Совете. Шепетис, рассказывая о событиях у телебашни, допустил несколько ошибок, которые свидетельствуют о том, что он сознательно лгал.

Начнем с того, что во время штурма телебашни группой "А" армейской бронетехники у телебашни ещё не было. Далее, бойцы группы "А" были вооружены ножами разведчика, которые не могут быть пристегнуты к автомату Калашникова. Более того, укороченная модификация автомата Калашникова АКСУ-74, которыми была вооружена "Альфа", **вообще не предусматривает пристегивание штык-ножа.**

Относительно погибших Шепетис вообще запутался. То он видел только один труп. То, по словам Шепетиса, в башне вдруг оказалось много погиб-

ших и раненых. Однако в цокольной пристройке телебашни, о которой вел речь Шепетис, не могло быть раненых и убитых. Она была под контролем группы “Альфа”.

Это доказывает свидетельство сотрудника группы “А” Михаила Максимова. *“И все-таки разъяренные люди ворвались на первый этаж. Самое страшное – агрессивная молодежь. Все пьяные. А нас перед ними пять человек. Я был сверху, слышу – зовут, нужна помощь. Спустился, а у меня две имитационные гранаты и больше ничего. Вытаскиваю одну из них, предупреждаю: “Если вы не выйдете, бросаю”. Провокаторы за спинами кричат: “Не бойтесь, он не бросит, он врет. У них холостые патроны, это взрывпакет!”*

И ведь знали и про холостые патроны, и про взрывпакет, только почему-то потом газетчики говорили совсем другое. Мол, боевыми мы в них стреляли. В общем, бросил я эту имитационную гранату. От нее сильная вспышка и дым, немножко пугает. Пока толпа замешкалась, мы выдавили ее из здания” (М. Болтунов. “Альфа – сверхсекретный отряд КГБ”).

Как видим, январские события с самого начала преподносились в искаженном виде. Это естественно. Ландсбергис и его окружение изначально запланировали кровавую жатву. Не случайно уже в 1 час 10 минут ночи 13 января 1991 г. из окна Верховного Совета Литвы ксендз Альгимантас Кейна начал служить мессу по погибшим жертвам Советской Армии. Он начал её со слов: *“уже есть первые жертвы”*, хотя до появления военнослужащих СССР около т. н. “стратегических объектов” г. Вильнюса оставалось ещё 40 минут.

Лживыми являются утверждения литовских прокуроров о том, что советские десантники в упор расстреливали беззащитных людей. Однако в канун очередной годовщины январских событий российское и литовское телевидение год за годом демонстрируют лишь видеокadres, на которых молоденький десантник не стреляет, а бьет кого-то из толпы прикладом.

При этом диктор должен был бы пояснить, что удар был нанесен боевику, который размахивал бутылкой с горючей смесью и намеревался бросить её в танк. Очевидцы утверждают, что в этот момент ясно был слышен крик боевика: *“As ji padeginsiu!”* (“Я его подожгу”). Естественно, десантник нанес ему удар, дабы этого не произошло. Ни одного кадра с десанниками, расстреливающими людей “от бедра”, телевидение так и не продемонстрировало.

Установлено, что автоматы советских десантников были снаряжены магазинами с холостыми патронами. Применять боевые патроны разрешалось только по команде офицеров и только в том случае, когда возникла реальная угроза жизни военнослужащих. Это было хорошо известно литовским организаторам так называемой “общественной обороны” телебашни. Глава этой “обороны”, а точнее, главный боевик “Саюдиса” Аудрюс Буткявичюс кричал людям, находившимся у башни: *“Не бойтесь, солдаты будут стрелять холостыми...”*

Генеральная прокуратура Литвы утверждает, что от пуль советских военнослужащих погибло 9 человек. Она квалифицирует смерть январских жертв у телебашни как умышленное убийство. В июле 2001 г. в интервью “Белорусской газете” (09.07.2001) прокурор департамента по борьбе с организованной преступностью и коррупцией генпрокуратуры Литвы Сигитас Гедвилас, не моргнув глазом, заявил, что *“приказом на открытие стрельбы по митингующим явилась фраза в эфире “Бросай горох!”*.”

Напомним, что 13 января 1991 г. у телебашни находилось 190 десантников, вооруженных автоматами Калашникова. Магазин каждого такого автомата вмещает 30 патронов. Десантников поддерживали 4 танка, 8 боевых машин десанта (БМД) и несколько бронетранспортеров, снаряженных пулеметами.

Не вызывает сомнений, что если бы вся эта вооруженная боевая масса получила бы приказ вести огонь на поражение, то количество жертв у телебашни перевалило бы за тысячу. Но в действительности пулевые ранения стали причиной смерти не 9, а 8 защитников телебашни.

Заметим также, что зафиксированные смертельные ранения январских жертв вызывают большие сомнения относительно источника их происхождения. В целях установления истины придется затронуть некоторые подробности гибели январских жертв, которые были изложены в справке № 29 от 6 февраля 1991 г. за подписью руководителя республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы А. Гармуса.

Дабы не утомлять читателя, коснемся установленных причин смерти лишь нескольких январских жертв. Так, литовское следствие утверждает, что причиной смерти погибшего И. Шимулёниса явилось смертельное ранение в голову. Однако в ходе экспертизы такое ранение вообще не было обнаружено. В то же время судмедэксперты зафиксировали, что тело Шимулёниса было изрешечено пулями с разных сторон. Профессор, доктор юридических наук, криминалист И. Д. Кучеров (ныне покойный) установил, что стреляли с разных точек в уже мертвое тело.

Установлено, что погибший у телебашни В. Мацюлявичюс погиб от смертельного ранения в шею. Однако пуля, извлеченная судмедэкспертами из его тела, могла быть выпущена только из винтовки образца 1898/1931 года, которая была давно снята с вооружения Советской Армии. Не могло её быть и у спецназовцев КГБ СССР. В то же время в № 3 литовского журнала “Karys” (“Воин”) за 1991 г., было опубликовано фото “защитников” телебашни с “мошинскими” винтовками в руках. Интересный факт, который литовские прокуроры предпочитают игнорировать. Подлинного убийцу Мацюлявичюса они и не думают искать. Комментарии, как говорится, излишни.

Литовское следствие утверждает, что другой погибший, Д. Гербутавичюс, находясь в толпе, стал жертвой выстрела советского солдата. В то же время эксперты в морге насчитали в его теле 5 сквозных огнестрельных ранений от выстрелов, произведенных с разных сторон, в том числе два ранения от выстрелов снизу вверх и одно – от выстрела сверху вниз под большим углом. Последнее ранение оказалось смертельным. Кто же в толпе с разных позиций мог расстреливать Гербутавичюса?

Невероятный факт зафиксирован в актах судебных экспертиз относительно пули, смертельно поразившей В. Друскиса. Пуля, якобы извлечённая из его тела, трижды “меняла” свой калибр (точнее, эксперты в отчетах меняли калибр). Судя по раневому каналу, она поразила тело погибшего практически насквозь сверху вниз, но при выстреле почему-то не покрылась характерной окалиной (не потемнела, осталась блестящей, оранжево-жёлтой) и, пронзив тело несчастного, нисколько не деформировалась. Возникает подозрение, что, возможно, причиной смерти Друскиса была другая пуля? Но литовскую прокуратуру такие мелочи не волнуют.

Не волнуют следователей и явные ошибки, допущенные на этапе расследования. Так, на первом этапе следствия следователи утверждали, что некий А. Канапинскас погиб от огнестрельного ранения. В морге же эксперты констатировали, что смерть наступила от повреждения взрывным устройством, которое взорвалось на теле Канапинскаса. Прокуроры, изменив вывод о причинах смерти Канапинскаса, теперь твердят, что советские военнослужащие, “взорвав взрывное устройство, умышленно убили Альвидаса Канапинскаса”.

Отметим, что в 1994 г. за участие в убийстве Канапинскаса был осужден вильнюсский радиоинженер Александр Бобылев, который в момент смерти Канапинскаса вообще отсутствовал у здания комитета по радио и телевидению. Бобылев, комментируя мою статью о январской трагедии 1991 г., опубликованную в Интернет-газете “Столетие”, прислал письмо о ситуации с Канапинскассом. Предоставляем вниманию читателей выдержки из этого документа:

“А теперь по существу. Лично я не был свидетелем гибели людей в ту ночь, т. к. нас привезли к зданиям КРТВ (Комитета по радио и телевидению. – В. Ш.), когда Канапинскас и Шатских уже были мертвы и их трупы вывезены. Но при ознакомлении с делом перед судом мне были доступны материалы по их гибели, собранные Литовской прокуратурой.

Так вот, был там ряд фотографий трупа А. Канапинскаса, когда с него по очереди снимали одежду и каждый раз фиксировали вид на фото. Сверху на нем была куртка (кожаная, кажется) и на ней на груди сбоку прорыв КРАЯМИ НАРУЖУ, а вот последующие снимки ясно показывали, что обрывки свитера, рубашки и майки были загнуты взрывом ВОВНУТРЬ раны!

То есть этот человек пришел туда уже со взрывным устройством ЗА ПАЗУХОЙ, и оно там ЗА ПАЗУХОЙ и сработало. Сработало оно, по-видимому, неожиданно для него, скорее всего сразу после того, как он “дернул за кольцо” – так можно предположить. Вряд ли он ожидал этого мгновенного срабатывания. Кто дал ему это ВУ, кто его изготовил так, что обрывки свитера мгновенно – этого Литовская прокуратура выяснять не стала, констатировав смерть А. Канапинскаса от “неизвестного ВУ Советской Армии”.

Вину за эту смерть возложили в том числе, и на меня, так как я "... вместе с Советской Армией, группой Альфа..." и т. д. Вот такая "логика". Не хочет официальная Литва правды о жертвах 13 января! Хочет очередную "Катынь", легенду-былину.

Кстати, в нашем "деле" тогда были и другие интересные материалы, которые затем из дела ИСЧЕЗЛИ! (НЕДАРОМ ЕГО НА ТОМ ЭТАПЕ ПРЕДЪЯВИЛИ НАМ В НЕСБРОШУРОВАННОМ ВИДЕ). Нас внимательно "слушали" и "учли" наши замечания, которыми мы бурно и неосмотрительно делились меж собой. Так "обкатывалось" дело о событиях 13 января".

Обращаем внимание на реплику А. Бобылева о том, как вольно обращались литовские прокуроры с материалами уголовных дел. Добавим, что и бывший секретарь ЦК КПЛ/КПСС Ю. Куолялис, выступая в 2000 г. на заседании Апелляционного суда Литвы, заявил: "Знакомясь с протоколами суда, я обнаружил, что многие мои справки и другие документы исчезли из дела...".

Не вызывает сомнений, что наиболее "неудобные" для литовского следствия свидетельства и материалы к настоящему времени из уголовных дел или изъяты, или подкорректированы. Это наглядно характеризует "заданную объективность" литовского следствия. Естественно, что таким же образом литовские следователи устанавливали причины смерти погибших 13 января.

Дальнейшее перечисление несуразностей относительно смертельных ранений, обнаруженных у январских жертв, излишне. Достаточно подробно они описаны в книге "Гекатомба. Трилогия" (Вильнюс, 2006) известного литовского правозащитника Валерия Иванова, который сумел проделать работу, делающую честь любому криминалисту.

Приведем ещё одно доказательство того, что расследование январской трагедии фальсифицировалось с самого начала. Днем 13 января 1991 г. главный судмедэксперт Литвы А. Гармус сделал первое официальное заявление о причинах гибели людей у телебашни. Он сообщил, что к 15 часам 13 января 1991 г. исследование трупов погибших у башни завершено полностью и вина советских солдат за их гибель не вызывает сомнений. При этом Гармус утверждал, что в морге, находящемся на ул. Полоцкой, ба, находится 10 трупов. Добавим, что в газете "Республика" появилась сообщение о том, что в этом же морге находится юноша, раздавленный танком пополам.

После заявления Гармуса я, как председатель Гражданского комитета Литовской ССР, попросил корреспондентов ТАСС, "Комсомольской правды", "Красной звезды" и "Советской Литвы" (к сожалению, запомнилась лишь фамилия фотографа – В. Клоповский) выехать в морг на ул. Полоцкой. Однако в морге предъявили не десять, а восемь трупов. Двое из них, как заявил врач, не имели отношения к событиям у башни, т. к. погибли в автоавариях. Смерть третьего, по фамилии Макулка, наступила в результате инфаркта. О раздавленном пополам юноше никто в морге не слышал.

Причины смерти пятерых погибших на момент прибытия журналистов (после 15 час) не были установлены. Напомним, что А. Гармус утверждал, что к этому времени анатомические исследования тел погибших уже завершены. В таком случае исследованные тела потерпевших должны были быть, по крайней мере, без одежды.

В то же время на снимках, которые сделал Клоповский, ясно видно, что пятеро покойников, находящихся в морге, были в одежде, а их вскрытие ещё не проводилось. Аналогичные снимки были опубликованы и в газете "Республика" от 13 января 1991 г. (№ 8 /339).

На одной из фотографий был запечатлен неизвестный. Как потом удалось выяснить, это был некто Роландас Янкаускас. Прокуроры утверждали, что его грудная клетка была раздавлена танком. На фото же ясно видна тельняшка, в которую был одет Янкаускас, а на теле не видно никаких повреждений, за исключением раны на лбу. Впоследствии судмедэкспертиза установила, что Янкаускас стал жертвой автомобильной аварии.

Можно ли после этого считать заявления литовских прокуроров относительно причин смерти январских жертв достоверными? Мои попытки довести полученную от корреспондентов информацию до сведения литовской общественности оказались безрезультатными. Литву и СССР захлестнула настоящая истерия о вине Советской Армии за вильнюсские жертвы.

Вышеизложенное напоминает ситуацию, которая сложилась в Румынии в период свержения Чаушеску. 16 февраля 2011 г. газета “Аргументы недели” опубликовала статью Александра Кондрашова “Расстрел у стены солдатской уборной” о румынских событиях ноября-декабря 1989 г. Бывший сотрудник ГРУ (Главное разведывательное управление Генштаба МО СССР), представленный в статье под именем Роман, вспоминает, что трупы “погибших”, показанные в те дни всеми мировыми телеканалами, специально доставлялись к месту съема из местных моргов. Это были тела умерших своей смертью людей... Американцы санитарам платили за них по сто долларов за штуку. Для Румынии в то время это были огромные деньги.

В итоге Чаушеску инкриминировали гибель **60 тыс.** человек, хотя на самом деле количество жертв не превысило тысячи человек со стороны демонстрантов и шестисот человек со стороны армии. Вот так делалась политика в 1989 г. Не особенно она изменилась и в 1991 г. Не вызывает сомнений, что некоторые элементы такого подхода в организации “жертв” были и в Вильнюсе.

Особо следует сказать о советских танках, которые литовская сторона преподносит как средство умышленного убийства людей. Направлять танки против толпы, в основном безоружных людей, само по себе преступно. Танк – не велосипед. Его появление могло вызвать панику, в которой люди могли передавить друг друга, как это произошло в Тбилиси в апреле 1989 г. Но факт есть факт. Ночью 13 января 1991 г. в Вильнюсе танки были задействованы. Постараемся разобраться, какие меры предосторожности были приняты военными, дабы избежать несчастных случаев.

Во избежание наезда на людей экипажи четырех танков, двигавшихся к телебашне, были укомплектованы только опытными офицерами-танкистами. Танковые орудия были заряжены вышибными (холостыми) зарядами. Для того чтобы не опалить людей из толпы, танкисты перед зарядами в стволы пушек забили буханки хлеба. Перед каждым холостым выстрелом они кричали в толпу: “Откройте рот, закройте уши!”. Танки двигались с включенными фарами, подавая при движении сигналы и периодически останавливаясь.

Тем не менее, следует признать, что гарантий избежать несчастных случаев в результате использования бронетехники в толпе у телебашни не было. В этой связи вновь возникает вопрос, а надо ли было направлять бронетехнику к телебашне? Добавим к этому, что факт использования танков против демонстрантов стал главным козырем в пропагандистской кампании “саюдистов”.

Литовские прокуроры утверждают, что наезд танков стал причиной смерти 4 человек. Уже говорилось о причинах смерти Каволюкаса и Янкаускаса, которых литовские прокуроры выдавали за жертвы наезда советской бронетехники. Сомнения вызывают и остальные случаи “наезда”.

Странно, но, говоря о танках-убийцах, литовские прокуроры на уголовных процессах почему-то не называли номера этих танков. Тогда бы не составило труда установить фамилии членов экипажа танка. В результате появились бы, как и требует подлинное правосудие, фамилии конкретных убийц. Но литовские прокуроры не заинтересованы в выявлении конкретных подозреваемых, так как в этом случае выяснится, что не было зафиксировано ни одного факта, когда бы танк раздавил человека.

Тем не менее, за время, прошедшее с январских событий, литовские прокуроры сумели основательно “промыть” мозги общественности. В заблуждение введена даже нынешний президент Литвы Даля Грибаускайте. Выступая 13 января 2011 г. в сейме по случаю Дня защитников свободы, она заявила, что “десантники напали под покровом ночи, боясь света, как правды, на танках и бронетранспортерах с воровски закрасненными номерами”.

Однако существует фотоальбом “Lietuva 1991.01.13”, изданный в Вильнюсе 14 марта 1991 г. 20-тысячным тиражом (издательство “Vyuris”. Подписан к печати 14 марта 1991 г.). На стр. 11 этого альбома помещен фотоснимок, на котором явственно видна боевая машина десанта (БМД) с бортовым номером 284 (2). Трудно поверить, что данным фотоальбомом не располагает генпрокуратура Литвы.

Не вызывает сомнений, что снимков, на которых фигурируют танки и БМД с ясно видимыми номерами, существует немало. Это естественно, так как

никто номеров на бронетехнике, участвовавшей в силовой акции, не закрашивал. Ведь советские военные даже в страшном сне не могли подумать, что будут жертвы. Как мне потом объясняли, планировали танками оказать психологическое воздействие на толпу и оттеснить её от телебашни. Наивно? Глупо? Да. Но факт остается фактом.

Литовские прокуроры настаивают, что одну из январских жертв, Лорету Асанавичюте танк переехал в области таза и бёдер. Но существует видеофильм, на котором запечатлена Лорета в момент доставки её в больницу. Она была в сознании и даже пыталась улыбнуться! В первоначальной клинической истории болезни Асанавичюте не были отмечены переломы костей таза, бёдер или других костей. Во время хирургической операции врачи также не зафиксировали переломов или раздробления костей. И это при утверждении, что Лорету переехал 40-тонный танк.

Асанавичюте умерла через два с лишним часа после операции. И тут выяснилось удивительное. На кадрах посмертной видеосъемки трупа Лореты отчетливо видны необработанные раны на правом бедре. Возникает вопрос, разве могли у Асанавичюте после полуторачасовой хирургической операции остаться незащитные раны? Чьи раны зафиксировала видеочкамера?

Сегодня Лорета Асанавичюте в Литве олицетворяет собой независимую республику, противостоящую советской агрессии. Якобы она встала на пути танка, преграждая ему путь. Видимо, по этой причине литовские прокуроры более устраивает миф о её героической гибели, нежели подлинные обстоятельства.

Прокуратура СССР, несмотря на активное противодействие со стороны литовских властей, сумела провести своё расследование событий у вильнюсской телебашни. Отчет о результатах расследования Генеральный прокурор СССР Николай Трубин в апреле 1991 г. озвучил на заседании Верховного Совета СССР. На основе этого отчета в газете "Советская Россия" (№ 109/10560 от 04.06.1991 г.) была опубликована статья под названием "Схватка у телецентра". Приведём некоторые выдержки из неё.

"По призыву руководства Литовской республики к зданиям телецентра и телерадиокомитета срочно перебрасывались вооруженные, в т. ч. автоматами и пистолетами, сотрудники Департамента охраны края, боевики "Саюдиса" и "Лиги свободы", а также их сторонники, в основном из числа молодежи соседних городов и сел. (10 января у боевиков уже было изъято 49 единиц нарезного огнестрельного оружия и большое количество боеприпасов.)

...Из зданий телерадиокомитета и телецентра, из окружавшей здания толпы, с крыш расположенных рядом домов и рощи по дружинникам и военнослужащим велась интенсивная стрельба из автоматического оружия, в том числе траксирующими пулями. В связи с этим дружинники и военнослужащие неоднократно были вынуждены даже укрываться за бронетехникой.

...По сообщению незаконно созданной в 1990 г. прокуратуры Литовской республики от действий военнослужащих погибли лейтенант КГБ Шатских В. В. и 13 гражданских лиц (9 – в результате стрельбы на поражение или от случайно срикошетивших пуль и 4 – от наезда танков), 48 человек получили огнестрельные ранения и более 550 – телесные повреждения, в основном от стрельбы в воздух вышибными зарядами танковых пушек (повреждения барабанных перепонок).

Однако каких-либо доказательств, подтверждающих гибель и ранения потерпевших именно от действий военнослужащих, работники прокуратуры Литовской республики следственной группе Прокуратуры СССР не предоставили и действительные обстоятельства происшедшего от нее скрывают. К производству судебно-медицинских экспертиз погибших и раненых военные и гражданские эксперты других союзных республик допущены не были. Следователям Прокуратуры СССР также было запрещено присутствовать при вскрытии трупов погибших и освидетельствовании раненых.

Показания очевидцев событий, оставшихся в живых потерпевших, вещественные доказательства, видеофотоматериалы происшедших событий, а также заключения судебно-медицинских экспертиз погибших, раненых и извлеченные из их тел пули для экспертного исследования с целью подтверждения или исключения их выстрелов из имевшегося у военнослужащих оружия и оценки

в совокупности с другими материалами дела, прокуратура Литовской республики предоставить следственной группе Прокуратуры СССР отказывается.

... Так, многочисленные показания военнослужащих, дружинников и очевидцев событий, копии справки начальника бюро судебно-медицинской экспертизы Литвы и заключений экспертиз о причинах смерти некоторых из погибших, фотографии погибших, предварительные заключения судебно-медицинских экспертов, протоколы осмотров мест происшествий и другие доказательства свидетельствуют о том, что большинство потерпевших у здания телецентра в действительности погибло не от выстрелов военнослужащих и наезда танков, а от выстрелов самих боевиков, наезда легковых автомашин и других причин, в том числе вообще не связанных с происшедшими событиями.

Судя по направлению раневых каналов, указанных в справке начальника бюро судебно-медицинской экспертизы Литвы, 6 потерпевших были убиты в результате 1–7 выстрелов в каждого из них с разных точек, в том числе при выстрелах сверху и в спину, т. е. не военнослужащими при непосредственном столкновении с ними лицом к лицу, а боевиками во время их стрельбы из здания телецентра и с крыш ближайших домов.

... Как показали военнослужащие, дружинники и свидетели – очевидцы событий, солдаты и офицеры на поражение в людей боевыми патронами не стреляли, наездов на них танков не было, хотя некоторые сами заскакивали на движущиеся танки, а других боевики специально подталкивали под них. При осмотре танков после окончания операции экипажи крови на них не видели. При осмотре следователями танков 16.01.91 г. крови на гусеницах и вообще на танках также обнаружено не было.

... Так, по показаниям свидетелей-очевидцев несколько человек из толпы были сбиты легковыми автомашинами, а не танками. Один из них, в частности, показал, что лично видел, как недалеко от здания телерадиокомитета выехавший из-за танка автомобиль “Жигули” на проезжей части дороги сбил мужчину и скрылся.

Согласно показаниям другого свидетеля, на детской площадке около телецентра находилось много людей, и автомашина “Москвич” сбита там несколько человек, один из которых, по-видимому, был задавлен насмерть, и всех потерпевших увезла “Скорая помощь”.

Вывод Генерального прокурора СССР Н. Трубина был однозначен – ни один человек не погиб в Вильнюсе 13 января 1991 г. от действий советских военнослужащих. Генпрокуратуре Литвы оставалось или опровергнуть этот вывод, или согласиться. Но в январе 1991 г. прокурор Литвы А. Паулаускас издал распоряжение, запрещающее оказывать помощь следователям прокуратуры СССР. Помимо этого Паулаускас обратился с призывом к гражданам Литвы не сотрудничать и не давать показания советским прокурорам. Видимо, основания бояться правдивых показаний очевидцев у Паулаускаса были серьезными.

В целом литовские следователи в январские дни вели себя странным образом. Казалось бы, они должны были ткнуть носом московских коллег в “неопровержимые” свидетельства вины советских военнослужащих. На деле литовская сторона полностью засекретила ход расследования и категорически отвергла неоднократные предложения Прокуратуры Союза ССР объединить усилия по совместному, полному и объективному расследованию событий, происшедших у телебашни.

Не вызывает сомнений, что в этот период литовские следователи спешно корректировали истории болезни и результаты анатомических вскрытий январских жертв, вели обработку свидетелей в плане согласованности их показаний и т. д. Но целого ряда “проколов” литовским следователям избежать не удалось.

В этом плане особый интерес представляет свидетельство литовского писателя В. Петкявичюса о том, как литовская прокуратура расследовала январскую трагедию. Напомним, что Петкявичюс в 1993–1996 гг. занимал пост председателя Комитета сейма по национальной безопасности и имел возможность непосредственно ознакомиться с уголовным делом по январским событиям.

В интервью литовской газете “Обзор” (от 14 октября 2002 г.) он заявил: “Я знаю, что в морг привезли 18 человек. Некоторых черт знает откуда. Один попал где-то под “Москвич”, другой стал жертвой самодельного пиротехниче-

ского устройства. Свежих трупов оказалось только 13. Я читал заключения медицинской экспертизы.

Тогда расследованием занимались две прокуратуры: Советского Союза и Литовской республики. Была договоренность, что они соберут все необходимые материалы и обменяются ими. Русские, насколько мне известно, предоставили свои документы, а литовцы нет. Некоторые материалы застряли и в моих руках. Другие – в других. И ничего не сделано! Просто разошлись, а расследование гибели людей так и не завершено.

Представьте, случилась на дороге авария, погиб человек. Там поговорили и разъехались, а он остался лежать. И нет никакого официального протокола дорожной полиции! Вот так и здесь. Нет акта прокуратуры, нет ни одной подписи Паулаускаса, который был тогда Генеральным прокурором Литвы. Всё легенда! Болтают уже 15 лет, а точно никто не знает. Потому что результаты вскрытия и протоколы нигде не опубликованы. О 13 января нет никаких юридических документов! И вы нигде ничего не найдете”.

И даже заключение 26 сентября 1991 г. Генпрокурором СССР Н. Трубиным и Генпрокурором ЛР А. Паулаускасом Соглашения о совместном расследовании трагических вильнюсских событий в январе 1991 г., не изменило ситуацию. Это соглашение литовскими прокурорами было просто проигнорировано. До сих пор не ясно, где находятся 37 томов уголовного дела № 18/5918 по расследованию январских событий в Вильнюсе, переданные в 1991 г. Генпрокуратурой СССР литовской Генпрокуратуре. Они не фигурировали ни на одном судебном процессе, состоявшемся в Литве.

Серьезный удар по объективности расследования январских событий Генпрокуратурой Литвы нанес видеofilm режиссера Б. Талочки, представленный литовскому телезрителю в январе 1997 г. Этот фильм был характерен указанием времени снятия того или иного эпизода январских событий. Так вот, сопоставление временных параметров эпизодов фильма Талочки с временными параметрами уголовных эпизодов, представленных литовским следствием, показало, что трупы одних и тех же январских жертв ночью 13 января 1991 г. должны были одновременно находиться в различных местах Вильнюса.

Мистика, да и только. На самом деле при фальсификации следственных материалов литовские прокуроры не учли, что временные параметры ряда эпизодов, которые они подгоняли под свои версии, были зафиксированы на видеоматериалах, которые использовал для создания своего фильма Талочка.

Этот сенсационный факт установил правозащитник В. Иванов. Литовское следствие так и не смогло опровергнуть его выводы. В итоге в ходе судебного заседания они были просто проигнорированы. Это ещё одно подтверждение факта фальсификации выводов литовского расследования о причинах гибели январских жертв.

Видимо, не случайно на уголовных процессах над так называемыми “виновниками” вильнюсской трагедии, состоявшимися в Литве, так и не прозвучало ни одной фамилии конкретного человека, в результате действий которого наступила смерть хотя бы одной конкретной январской жертвы. Вместо этого литовское правосудие предпочло оперировать названиями коллективных “убийц”: Советская Армия, спецподразделение КГБ СССР “Альфа” и компартия Литвы (КПСС).

С точки зрения юриспруденции это нонсенс. Но он не смущает литовских прокуроров. Они убеждены в своей правоте. Тем более что их некому поправить. Россию тема вильнюсской трагедии пока не интересует, хотя Литва в последние годы начала предьявлять к ней как правопреемнице СССР претензии по этому поводу.

Правда, которую нельзя скрыть

Правда о подлинных организаторах и виновниках январских событий зазвучала в Литве уже летом 1991 г. Первой о том, что январские события были спровоцированы Ландсбергисом, публично заявила активная сторонница независимости, депутат ВС Литвы, писательница Видманте Ясукайтите. 17 июня 1991 г. на учредительной конференции регионального отделения Форума будущего Литвы в г. Пренай она сказала (в изложении):

“Печально, что 13 января наши юноши неизвестно почему пали жертвами у телебашни. Я вместе с другими депутатами, прибыв к башне, уговаривала ребят уйти, так как нам было известно, что эта провокация была подготовлена В. Ландсбергисом. Но ребята были пьяны и не хотели нас слушать.

Здания телевидения и Дом печати были заняты, так как оттуда распространяли клеветническую политику ландсбергистов. Если бы Ландсбергис был настоящим литовцем, то всего этого не было бы. Советские солдаты выполняли воинский долг, а люди погибли из-за расчетов Ландсбергиса. Такое правительство ведёт нас к обнищанию и гибели. А Ландсбергис, идя по пятам своего отца, создает в Литве фашизм...”

Это выступление Ясукайтите “саюдисты” предпочли замолчать. Не заинтересовало оно и литовскую прокуратуру, так как противоречило официальной версии. Так же отнеслось литовское правосудие и к заявлению А. Буткявичюса, которое он сделал в Англии, находясь там на военной стажировке.

Буткявичюс, пытаясь преподнести себя как основное действующее лицо в организации январской обороны Литвы, в 1993 г. заявил английским журналистам, что во время штурма вильнюсской телебашни в толпу с крыш домов стреляли его боевики. В статье Виктора Чеботарева (См. “Спецназ” № 1/52, январь 2001 г.) сообщается, что один из офицеров английской САС (подразделение антитеррора английских спецслужб) переслал кому-то из офицеров спецгруппы “Альфа” вырезки английских газет с заявлениями Буткявичюса. Их обнародование могло бы серьезно ударить по официальной версии гибели январских жертв.

К сожалению, за период, истекший с трагических событий январской ночи, из жизни ушли три бывших руководящих сотрудника группы “А”, которым, по их статусу, могло быть адресовано письмо из Англии. Возможно, эти вырезки ещё лежат в письменных столах безвремененно ушедших из жизни, а возможно, они уже выброшены родственниками, как ненужный бумажный мусор. Но не вызывает сомнений, что рано или поздно интервью Буткявичюса в лондонских газетах будут найдены.

В апреле 2000 г. Буткявичюс в интервью литовскому еженедельнику “Обзор” (№ 15 /170/) вновь подтвердил, что жертвы январских событий были изначально запланированы, якобы для того, чтобы оплатить свободу Литвы “малой кровью”. Заявление Буткявичюса произвело в Литве эффект разорвавшейся бомбы, тем более, что его подтвердил упомянутый В. Петкявичюс.

Выступая 14 апреля 2000 г. в еженедельной русской телепрограмме “Неделя”, Петкявичюс заявил, что “с крыш соседних домов по собравшейся у телебашни толпе людей стреляли наши “саванорисы” (добровольцы). Это полностью опровергало официальную версию, согласно которой 13 января 1991 года литовские граждане у телебашни погибли от пуль военнослужащих Советской Армии и от наезда советской бронетехники. Но литовское правосудие вновь не услышало этого заявления.

Через два года в интервью “Обзору” (от 14 октября 2002 г.) Витаутас Петкявичюс повторил, что с телебашни стреляли литовские “пограничники”: “Все это было инсценировкой... Но! Почему-то А. Буткявичюс из Лаздияй привез 18 пограничников и, переодев их в гражданскую одежду, разместил на телебашне. Они оттуда и стреляли”.

Петкявичюс также рассказал, каким образом он выяснил, что в людей у телебашни стреляли литовские пограничники. Оказывается, в 1993 г. все 18 пограничников пришли к нему в сейм с жалобой на то, что их вычеркнули из списков участников событий 13 января. “Они рассказали, что их начальник Чеснулявичюс с пистолетом в руке поставил всех к стенке и заявил, что, если они хоть одним словом заикнутся, что были на телебашне, — с ними будет покончено!”

Мне, к счастью, удалось найти документальное подтверждение заявления Петкявичюса. В ходе подготовки очередной статьи о январских событиях для интернет-газеты “Столетие” я наткнулся в своём архиве на материал, которому ранее не придавал особого значения. Это была “Информация о конфликтных ситуациях, связанных с действиями работников Департамента по охране края”. Она была подготовлена Министерством внутренних дел Литовской Республики между 10 и 31 мая 1991 г. по указанию Витаутаса Ландсбергиса, тогдашнего Председателя Верховного Совета Литвы (См. <http://www.rummu-seum.ru/portal/node/323>).

К этому времени отношения между В. Ландсбергисом, претендовавшим после января 1991 г. на роль “спасителя нации”, и А. Буткявичюсом (в январе 1991 г. генеральный директор Департамента по охране края), публично представлявшим себя главным организатором обороны республики от советской агрессии, серьезно обострились.

В литовских газетах появилась серия статей, дискредитирующих “саванорисов” Армии охраны края. Но этого оказалось мало. Ландсбергису понадобился фактический материал, компрометирующий ДОК и его главу. МВД Литвы без труда сделало информационный обзор нарушений и преступлений, совершенных сотрудниками ДОКа за январь – первую половину мая 1991 г.

Документ был передан мне летом 1991 г. сотрудником КГБ Литовской ССР. Одним из тех, кто остался верен присяге и продолжал вести агентурную работу, докладывая ситуацию в КГБ СССР. Документ он лично перевел на русский язык и впечатал, как он выразился, “одним пальцем”.

Полагать, что это “продукт”, изготовленный в “недрах КГБ”, нет оснований. Главным аргументом, свидетельствующим о подлинности этого документа, является его содержание. В нем на 10 страницах изложено множество конкретных фактов правонарушений, совершенных “доковцами”. В каждом случае указана дата совершения правонарушения, места, фамилии нарушителей и лиц, ставших жертвами, с указанием их места жительства, а в ряде случаев и года рождения. Документ бессмысленно было фальсифицировать, так как подлинность изложенных в информации фактов легко проверялась в районных отделах внутренних дел Литвы.

Особый интерес в “Информации...” представляют факты незаконного захвата оружия сотрудниками ДОКа на территории Литвы в январе 1991 г. Вот что сказано по данному поводу. *“10 января 1991 г. вечером уполномоченный Департамента по охране края (ДОК) по Вилкавишскому району Юргис Кюнас, нарушая установленный порядок и при участии ответственного за оружие школьного учителя Ромутиса Будрикиса, забрал 26 винтовок малого калибра из Вилкавишской районной средней школы им. С. Нерис. В тот самый вечер Кюнас забрал 15 ружей малого калибра из второй средней школы при участии директора В. Унгурайтене. О присвоении ружей в МВД не сообщил. Ю. Кюнас объяснил, что указанные ружья он доставил 13 января ДОКу в Вильнюс по указанию его сотрудника В. Чеснулявичюса...”*

Не вызывает сомнений, что часть изъятого оружия боевики Буткявичюса использовали в ночь на 13 января 1991 г. у телебашни. Не случайно в актах литовской судебно-медицинской экспертизы у январских жертв были отмечены ранения от малокалиберных пуль, а также от пули, выпущенной из винтовки Мосина.

Обратим внимание на то, что в информации МВД упоминается фамилия Виргиниюса Чеснулявичюса, начальника службы иммунитета ДОКа, о котором говорил Петкявичюс. С учетом этих свидетельств Петкявичюса и информации МВД Литвы вопрос о причастности Чеснулявичюса и Буткявичюса к гибели литовских граждан у телебашни в ночь на 13 января 1991 г. становится достаточно определенным.

Эти факты не могли пройти мимо литовских прокуроров. Но “ворон ворону глаз не выклюет”. Литовское следствие предпочло не заметить изданную в 2003 г. книгу Петкявичюса “Корабль дураков”. В ней было написано: *“На совести Ландсбергиса и А. Буткявичюса жертвы ночи тринадцатого января, поскольку один придумал, а по приказу другого несколько десятков пограничников были переодеты и впущены в телебашню. Это они сверху вниз стреляли в толпу... Я это своими глазами видел, когда возле моих ног от асфальта рикошетом отскакивали пули”*. (Стр. 78). Однако и это свидетельство не было услышано.

Существуют и другие свидетельства, подтверждающие причастность боевиков “Саюдиса” к гибели январских жертв. Известно, что в уголовном деле № 10-9-057-96 Генпрокуратуры Литовской Республики (дело бывшего лидера “Единства” Валерия Иванова) имеются (по крайней мере, имелись на тот момент) свидетельские показания людей, которые утверждали, что почти за час до появления около телевизионной башни военнослужащих СССР и бронетехники, видели в темноте под кустами лежащие на земле тела людей.

Не вызывает сомнений, что по замыслу В. Ландсбергиса и А. Буткявичюса жертвы в январе 1991 г. были неизбежны в любом случае. Для этого достаточно было в пределах любого важного «объекта» появиться паре БТРов и взводу советских солдат. Провокаторы из Охраны края и Лиги свободы Литвы тут же начали бы реализовывать кровавый сценарий, а все погибшие были бы объявлены жертвами советских военных и коммунистов.

Давая свидетельские показания в ходе уголовного процесса, рассматривавшего дела литовских коммунистов Бурокавичюса, Ермалавичюса, Куолялиса и др., глава ДОКа Буткявичюс заявил, что здание Комитета радио и телевидения, Дом печати и телебашня в случае попытки захвата их советскими десантниками должны были превратиться в огромные пожарища. Буткявичюс пояснил суду, что «Дом печати должен был гореть, планировалось организовать пожар, заснять его и показать за рубежом...». (Уголовное дело, т. 282, с. 232. Цит. по книге Ю. Куолялиса «Pro kalejimo grotas». Vinius. «Politika», 2010. С. 14).

Через два года, 14 августа 2001 г. во время телепередачи «Последние годы империи» на российском ОРТ Буткявичюс добавил, что и здание литовского Верховного Совета также было подготовлено к поджогу. Очевидцы отмечали огромное количества бутылок и канистр с бензином и другими горючими смесями, находившимися во всех зданиях, которые были намечены советскими военными для взятия под охрану.

По замыслу Ландсбергиса и Буткявичюса, пожары на этих объектах должны были стать свидетельствами варварских злодеяний Советской Армии. При этом не исключалось весьма значительное количество человеческих жертв. Это подтвердила в своем интервью газете «Respublika» (от 19 января 2002 г.) Казимира Прунскене. Она сообщила, что в случае поджога боевиками Буткявичюса здания ВС некоторых «руководителей ВС во имя блага нации сильные спортсмены должны были вынести в безопасное место». Но, «согласно сценарию, Прунскене с Бразаускасом... должны были быть застрелены, дабы не выбрались из горящего здания».

Вышеизложенные факты не являются секретом, но они так и не заинтересовали литовских прокуроров. Подобное поведение литовского правосудия вполне объяснимо. Оно не может назвать имена настоящих убийц, виновных в январских жертвах. Ведь у власти в Литве до сих пор наследники «Саюдиса».

Однако нет ничего тайного, что не стало бы явным. В апреле 2011 г. в Вильнюсе начался судебный процесс по делу упомянутого в начале нашего повествования председателя Социалистического народного фронта Литвы Альгирдаса Палецкиса. Как уже говорилось, он обвиняется в «*публичном сознательном принижении и отрицании советской агрессии*» против Литовской республики в январе 1991 г. На самом деле Палецкис лишь посмел публично усомниться в официальной версии трагических событий у вильнюсской телебашни 13 января 1991 года.

Темой январских событий 1991-го Палецкис заинтересовался не случайно. Будучи членом городского совета и вице-мэром г. Вильнюса, он довольно часто общался с жителями жилого района, расположенного рядом с телебашней. Проникшись доверием к энергичному молодому политику, очевидцы январских событий рассказывали ему, что они видели той январской ночью.

В ноябре 2010 г. Палецкис, ведя дискуссию в эфире радиостанции «Радио Вести», основываясь на полученной от избирателей информации, сказал: «*А что случилось 13 января ночью у телебашни? И, как сейчас выясняется, – свои стреляли в своих*». Эти две фразы, в которых нет отрицания, а присутствует лишь элемент сомнения, послужили основанием для возбуждения против Палецкиса уголовного дела. Если будет доказана его вина, ему грозит до двух лет тюрьмы.

Предварительное формальное заседание по делу Палецкиса апилинковый (участковый) суд г. Вильнюса провел 12 апреля 2011 г. Но второе судебное заседание, состоявшееся 7 июня 2011 г., стало подлинной сенсацией. Несмотря на то что в Литве высказывать мнение, противоречащее официальной версии январских событий, небезопасно, поддержать Палецкиса в суд явилось пять очевидцев событий у телебашни. Один свидетель прислал свои нотариально заверенные показания из Австралии. Но суд по неизвестной причине

отказался приобщить их к делу. Также по причине отсутствия документа, удостоверяющего личность, не был заслушан один из свидетелей.

Остальные свидетели утверждали, что январской ночью видели стрельбу транслирующими пулями в направлении телебашни с крыш окрестных домов. Её вели люди, судя по силуэтам, одетые в спортивную одежду. Рядом с ними на крыше были замечены люди с видеокамерой.

Свидетели также утверждали, что именно от пуль, выпущенных с крыш, люди у телебашни падали. При этом они отмечали, что советские солдаты стреляли в землю, а если бы они стреляли в людей, то погибших было бы несравнимо больше. В ходе опроса свидетелей выяснилось: после того как началась стрельба с крыш и люди в панике бросились прочь, какие-то рослые мужчины направляли бегущих к башне, уверяя, что именно там безопаснее.

Судья и прокурор предприняли отчаянные попытки сбить с толку свидетелей защиты. Они пытались поймать их на неточностях, убеждали в том, что те видели вспышки не от выстрелов, а вспышки-блицы фотоаппаратов. Но свидетели упорно стояли на своём. Они отчетливо видели стрельбу с крыш.

Суд над Палецкисом стал подлинным прорывом информационной блокады вокруг реальных событий, произошедших 13 января 1991 г. у вильнюсской телебашни. Он знаменателен тем, что впервые рядовые литовцы публично поставили под сомнение выводы, сделанные генпрокуратурой Литвы о виновниках гибели людей 13 января 1991 г. Видимо, людям надоело молчать, бояться и скрывать правду.

В этой связи целесообразно процитировать суждение одного из вильнюсцев, выступающего в Интернете под ником "Starover". Оно было высказано в ходе обсуждения моей статьи "Свои стреляли в своих", опубликованной на сайте Интернет-газеты "Столетие" (http://www.stoletie.ru/politika/svoi_strelali_v_svoih_2011-06-15.htm): *"Литва – маленькая страна, но там много людей, желающих, чтобы прокуратура расследовала, а суд установил официальную точку зрения на те страшные события. Вне зависимости от политики. Дай прокуратура обращение по телевидению и в печати к участникам событий в ту ночь – и выстроится очередь желающих дать показания. Но этого не происходит"*.

В Литве откровения очевидцев и заявления Палецкиса, прозвучавшие в ходе судебного процесса, некоторые политики и СМИ преподнесли как инспирированные Кремлем. Соответственно, Палецкиса пытаются представить как "человека Москвы". Действительно, события январской ночи 1991 имеют непосредственное отношение к России. Как уже говорилось, трагические события января 1991 г. в Литве трактуют, как повторную "советскую агрессию" против суверенного литовского государства. В январе 2010 г. литовский сейм принял резолюцию, которой обязал правительство Литвы официально обратиться к России как к правопреемнице СССР с требованием выплатить компенсации семьям погибших и получивших ранения во время январских событий 1991 года в Вильнюсе. Ну а после уплаты этой компенсации Литва рассчитывает получить компенсацию за весь 50-летний срок "советской оккупации".

Но утверждения, что Палецкис действовал по поручению Москвы, просто смешны. Думаю, не только сам Палецкис, но любой здравомыслящий человек не способен был предугадать столь неадекватную реакцию правящей литовской элиты на две вышеприведенные нейтральные фразы о событиях 13 января, прозвучавшие в эфире.

Удивительно, но современные литовские власти повторяют ошибки своих "саюдистских" предшественников. В этой связи ещё раз напомним, что в августе 1989 г. известным политиком меня также сделали две фразы. В телеинтервью литовскому ТВ я посмел заявить, что Литве предпочтительнее развиваться в рамках обновленного Союза, а Компартия Литвы вне КПСС не имеет перспектив. Литовские СМИ, в то время находившиеся под полным контролем "Саюдиса", попытались доказать, что первый секретарь Октябрьского райкома КП Литвы г. Вильнюса Швед является одиночкой и его позицию в республике никто не поддерживает. В результате в течение трех месяцев я стал одним из популярных политиков, который вдруг обрёл массу единомышленников.

Полагаю, что с Палецкисом произойдёт та же история.

(Окончание следует)